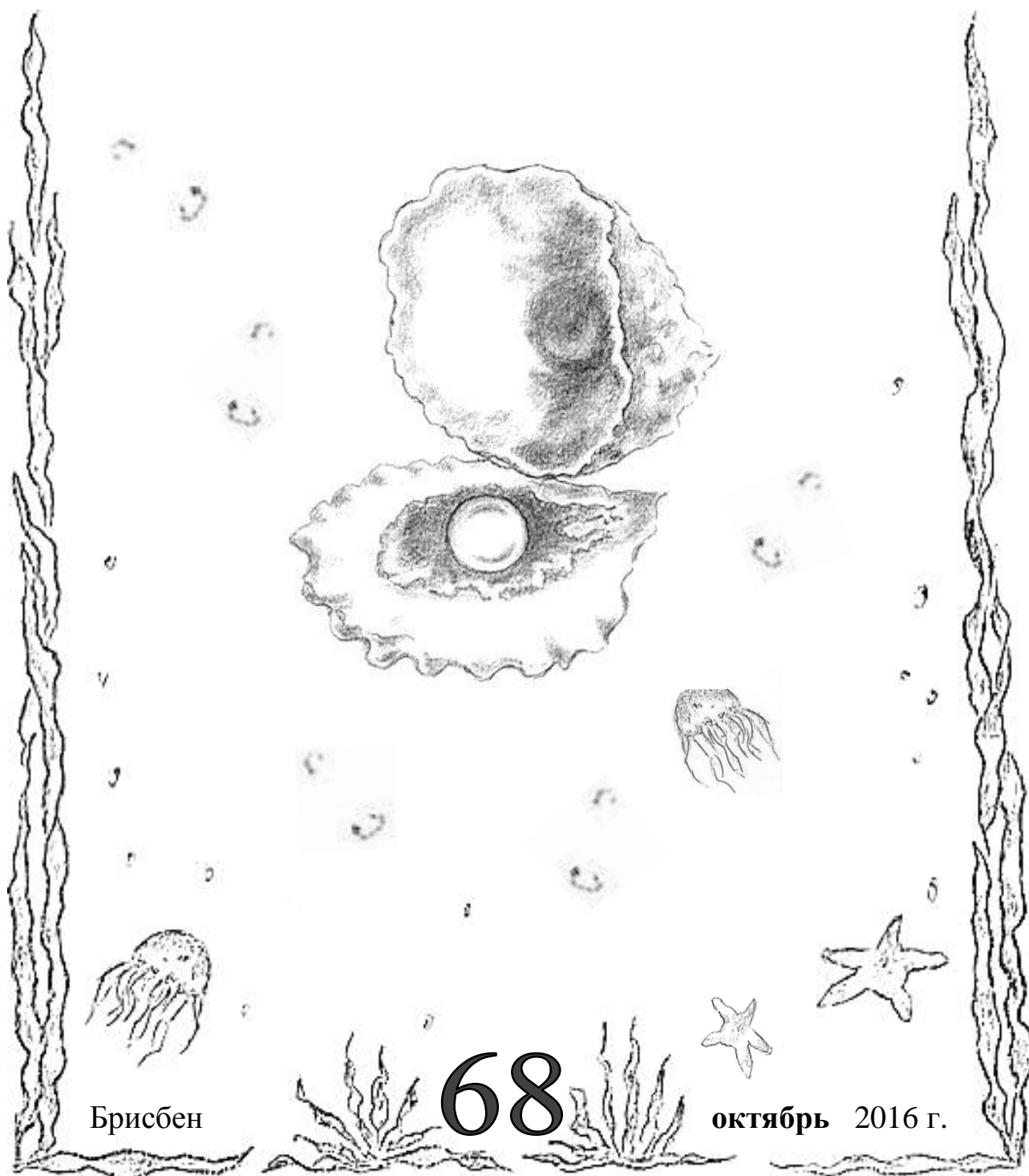

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 68 Brisbane, Australia, October 2016

Брисбен

68

октябрь 2016 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data
“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tamaleevpearl@gmail.com

***Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 6 плюс \$ 2.10 пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ 35.00

На 11 сентября

*На день усекновения главы Пророка,
Предтечи и Крестителя Господня Иоанна*

В сырой темнице царского дворца,
Не видя лиц и солнечного света,
Пророк - слуга Небесного Отца,
Томился, взятый в узы по навету.
Томился телом, но душой был бодр,
Хоть наперед судьбу свою и ведал,
И был готов взойти на смертный одр
За истину, что людям проповедал.
О, сколько человеческих сердец
Он обратил к вселюбящему Богу,
И вот теперь нетленный ждал венец
Его у врат Небесного Чертога.
Нет, не страшился лютой казни он,
В сердцах слуг Божьих места нет для страха,
Коль и скорбел – не о себе самом,
О тех, кто для него готовил плаху.
Но вот приблизился последний час,
Великий час великого пророка,
Уже пустилась в сумасшедший пляс
Рабыня материнского порока,
Еще немного и войдет палач
Под низко нависающие своды...
И будет скорбь и неутешный плач
Среди осиротевшего народа.

Евгений Новицкий.
Украина.

О, жертвенность! Зброшен твой удел.
Дары добра наречены растратой.
Путём стяжанья шедший - преуспел,
Осмеян пренебрегший звоном злата.

Мечты о счастье возбуждают кровь,
Маня людей... Но горечь бед повсюду.
Наш мир пограл и Веру и Любовь,
А потому не стало места Чуду.

Не Бог виной, что крепнут силы зла
И скорбь всё чаще сковывает лица,
Что нашим душам не дано тепла...
Мы

разучились
радостью делиться.

прот. Алексей Зайцев.
Россия.

Склоните голову

Священник, сила веры отчего
В тебе такая, что пройдя Гулаги,
Сломить никто не смог? И те бедняги,
Пройдя с тобой невзгоды, передраги,
Падения не видя твоего -
Склонили голову...

Пройдя сквозь ад, ты веру не терял,
Поддерживал других, творя молитву.
Не за себя просил, и чтобы жатву
Не собирала смерть, и словно клятву:
«Спаси их, Господи!» - ты повторял.
Склоните голову.

Не приняли сперва, был одинок,
Невзгоды перенёс и не сломился,
Беде ни разу ты не поклонился.
«Папаша, Бога нет!» - народ дивился.
«Бог есть, - ответил кротко ты, - сынок!»
Склоните голову.

Весь седенький и с добротой в глазах,
Пайком делился, сам едва шагая,
Чтоб рядом ближний шёл, не умирая,
И словом Божьим так же помогаю:
Молился ты, не запуская страха...
Склоните голову.

«Откуда, батюшка, ты силы брал?
Душа в чём держится твоя?» - спросили.
«Меня молитвы к Богу укрепили,
И вера так же придаёт мне силы,
Я этот путь сознательно избрал!»
Склоните голову.

Шёл мокрый снег, и ветер донимал,
Прощались с батюшкой, ушёл он к Богу,
Другим несчастным проторив дорогу,
К надежде... Вере... Ветер понемногу
Стихал, их горе словно понимал.
Склоните голову.

И на лице слезами таял снег,
Охрана не мешала им проститься,
И приходилось только удивиться,
Откуда взялись силы поклониться
Их батюшке, который им помог...
Склоните голову, склоните голову!

Лариса Даншина.
«Свете Тихий»
29 января 2015

ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

19. О МЕЧЕ И ПРАВЕДНОСТИ

«Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире, - не сопротивляться злу мечом и силою?» Таков был основной, двуединый вопрос, породивший все наше исследование. Что можно и должно ответить на этот вопрос, когда его ставит нравственно-благородная душа, ищущая в своей любви к Богу и Его делу на земле - религиозно верного, волевого ответа на идущий извне напор зла?

Ответ, добытый нами, звучит несомненно и определенно: физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и тогда он не в праве от них уклониться. Исполнение этой обязанности введет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада, и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но и взять на себя бремя человеко-убийства.

Но именно в связи с этим последним выводом в разрешении основной проблемы возникает глубокое и существенное осложнение. Убить человека... Но разве убивающий ближнего соблюдает свое «нравственное совершенство»? Разве такой исход может быть нравственно верным, безгрешным, праведным? Ведь согласно основному вопросу ответ должен был удовлетворить человека, «стремящегося к нравственному совершенству»... Разве совесть человека может, при каких бы то ни было условиях, признать убийство человека безгрешно-праведным делом? А если не может, то как же удовлетвориться таким ответом?

Мы установили с самого начала, что все исследование имеет смысл только при полной и безусловной честности с самим собою, только при отсутствии упрощений и замалчиваний, пристрастия и малодушия. Здесь непозволительно и не следует скрывать от себя что бы то ни было; напротив, надо открыть себе глаза на все, и все правдиво договорить перед лицом предмета. И потом уже принять окончательное решение, в уверенности, что оно недвусмысленно и верно. В самом деле, в борьбе со злом, особенно при внешнем понуждении и пресечении, - не терпит ли умаления или искажения личное и нравственное совершенство борющегося?

Нельзя не отметить с самого начала, что форма этого вопроса - суровая, категорическая, явно предвосхищающая единственно возможный ответ («да, терпит»), - может скрывать за собою некий серьезный дефект нравственного опыта или видения, и тогда она может вызывать в душе у спрашиваемого двоящееся впечатление наивности и лицемерия. Вопрос ставится так, как если бы человек (может быть, сам вопрошающий) обладал уже личным нравственным совершенством, и вот обладая им и ценя его выше всего в жизни, опасался бы увидеть его умаленным или искаженным через свое участие в пресекающей борьбе со злом. Безгрешный и праведный человек опасливо ищет праведного и святого образа действий, с тем чтобы соблюдать только его и никогда не приобщаться какому-либо другому образу действий, не совсем совершенному или не безусловно праведному. Если при этом спрашивающий действительно уверен в том, что он «праведен» и что человеку вообще доступно в его деятельности безусловное и полное совершенство, то это свидетельствует о некоторой ограниченности его нравственного опыта и о наивности его духовного видения; если же спрашивающий знает о своей личной неправедности и об обреченности всех человеческих действий на большее или меньшее несовершенство, то вопрос его оказывается лицемерным.

Ни наивность, ни лицемерие не оправдывают постановку вопроса, отправляющуюся от нравственного совершенства как данного, как наличного или вообще легко доступного человеку в нашей земной жизни. Тому, кто хоть раз в жизни попытался реально представить себе, как жил бы, чувствовал и действовал действительно нравственно совершенный человек, и кто потом попытался сравнить этот образ - со своим собственным, сознательным и бессознательным укладом или зарядом влечений и желаний, тому и в голову не придет требовать для своей мнимой «святости» абсолютно «праведных» жизненных исходов. Это было бы столь же реально, умно и состоятельно, сколь состоятельно, умно и реально человеку, провалившемуся по пояс в болото, рассуждать о том, как бы ему вернуться домой, не допустив на своей одежде ни одного влажного пятнышка. Во грехах зачатый, во грехах возросший и совершивший полжиз-

ни, окруженный такими же людьми и связанный с ними связью всеобщего взаимодействия во зле, - человек вряд ли имеет основание ставить перед собою практические вопросы абсолютно-го измерения и задачу немедленной абсолютной чистоты. Напротив, чем глубже он уходит в себя, чем зорче он видит тайные гнездилища своего инстинкта и своих страстей - тем более чуждою становится ему точка зрения морального максимализма, тем более скромным он делается в оценке своих собственных сил и возможностей и тем более снисходительным он делается к слабостям ближнего. Он научается понимать Евангельский завет «совершенства» (Мф 5:48; Лк 5:35) как долгую лестницу страдающего восхождения, как зов сверху и как волевое начало совести в душе, но не как суровое мерило, ежеминутно пригвождающее слабую душу или педантически требующее непрерывной безукоризненности.

Человек не праведник, и борьбу со злом он ведет не в качестве праведника и не среди праведников. Сам тая в себе начало зла, и поборая его в себе, и далеко еще не поборов его до конца, он видит себя вынужденным помогать другим в их борьбе и пресекать деятельность тех, которые уже предали себя злу и ищут всеобщей гибели. Пресекающий сам стоит в болоте, но нога его уперлась в твердое место, и вот он уже помогает другим, засасываемым трясиную, выйти на твердое место, стремясь оградить их и спасти, и понимая, что он сам уже не может выйти сухим из болота. Конечно, от слабости и из бездны никому не поможешь и никого не укрепишь, но из малейшего проблеска силы, видения и веры - может уже произойти начало спасения. Тот, кто сам уходит в трясину и захлебывается, тот, конечно, не борец и не помощник, но утвердившийся - уже помощник и уже борец, хотя и стоит сам в болоте. И не странно ли было бы видеть его полное безразличие к погибающим и слышать лицемерное оправдание, что «помогать вообще может только тот, кто стоит на берегу», и что он «тоже поможет кому-нибудь, когда сам выберется из болота и совсем обсохнет, но и тогда с тем, чтобы самому никак не забрызгать свою одежду»...

Человек, искренно любящий и волею ведомый, борется и от малой силы, помогает и от бедности. И начинает не сверху, от идеала, а снизу, от беды и от нужды. И он прав в этом, ибо разумно и реально идти в борьбе со злом не от максимума нравственного совершенства, закрывая себе глаза на свою неправедность и на всем присущую грешность, а от наличной ситуации злых страстей и благородной воли, отыскивая возможный минимум греха и возможный максимум помощи и укрепления. Это совсем не значит, что человек должен погасить в себе волю к нравственному совершенству, напротив, эта воля необходима ему до последнего издыхания. Но это значит, что наивная фантазия о его легкой доступности извинительна только детям; быть святым в мечтании не то же самое, что быть святым на деле: и от восприятия этого различия, от его проникновенного постижения душа человека мудреет и закаляется. Человек постоянно должен растить и укреплять в себе волю к нравственной чистоте, чистую и искреннюю волю к полноте духовной любви и к ее цельному излиянию в жизненные дела, но он не должен воображать, что это ему легко и быстро дастся. Однако чем большего он в этом достигнет, тем менее неправедный или, что то же самое, тем более праведный исход ему всегда удастся найти. «Большого» достигает тот, кто ищет «всего»; но бывает и так, что неразумное, настойчивое требование «всего» отнимает у человека и «меньшее». Ибо есть определенные жизненные положения, при которых заведомо следует искать не праведности и не святости, а наименьшего зла и наименьшей неправедности, и в этих случаях практический максимализм всегда будет проявлением наивности или лицемерия.

Продолжение следует...

И.А. Ильин.

Гордыня плакала... Гордыня плакала,
Слезами горькими по долу капала.
Она-то думала, что всех красивее,
Проходит молодость - а косы сивые...

Она-то думала, что всех разумнее,
Но мысли тянутся походкой лунною...
Гордыня думала - она хорошая,
Но злоба пенная под сердцем множится...

Ей вдруг открылось: дела все добрые
Для возгоржения ведь были собраны,
Без похваления, без славы славиться
Ей делать доброе совсем не нравится...

Она - не самая, она - не лучшая,
Обида хлынула слезой горючею.
Гордыня плакала слезами горькими...
А кротость рядышком всходила зорькою.

Есенин как символ России

Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать
С. А. Есенин,
«Мне осталась одна забава...»

Одним из самых любимых и почитаемых поэтов в нынешней России является, без сомнения, Сергей Есенин. Феномен этой всенародной неугасающей любви нуждается, на мой взгляд, в более пристальном изучении и исследовании.

Не все, конечно, могут конкретно ответить, почему и за что им так нравится Есенин, за что они так любят его и восхищаются его стихами; также как далеко не всегда любящий кого-то в состоянии объяснить причину своей любви. Так, последняя жена поэта, Софья Андреевна Толстая-Есенина, в одном из писем к матери написала: «Я просто полюбила его всего. Остальное пришло потом. Я знала, что иду на крест, и шла сознательно, потому что ничего в жизни не было жаль. Я хотела жить только для него. Я себя всю отдала ему. Я совсем оглохла и ослепла, и есть только он один. Теперь я ему больше не нужна, и у меня ничего не остается. Если вы любите меня, ...то я прошу вас ни в мыслях, ни в словах никогда Сергея не осуждать и ни в чем не винить. Что из того, что он пил и пьяным мучил меня. Он любил меня, и его любовь все покрывала. И я была счастлива, безумно счастлива... Благодарю его за все, и все ему прощаю. И он дал мне счастье любить его. А носить в себе такую любовь, какую он, душа его, родили во мне - это бесконечное счастье". Безумно были влюблены в Есенина и многие другие женщины, близкие и дальние, да и не только женщины, - и это несмотря на его скандалы и пьянки, непостоянство и непостижимые с точки зрения элементарного здравого смысла поступки. Любила Есенина и русская эмиграция. Песни на его стихи пели А.Н. Вертинский, Алла Баянова и другие знаменитые исполнители, покинувшие Россию, или уже родившиеся за её пределами. Вообще же, песен на тексты стихов Сергея Есенина написано на сегодняшний день гораздо больше, чем, к примеру, на произведения Пушкина, Лермонтова и Некрасова вместе взятых...

Отличавшаяся особой непримиримостью к советскому строю и тем, кто служил Совдепии верой и правдой, поэтесса Марианна Колосова (та, что грозила своему бывшему возлюбленному - наркому Валериану Куйбышеву пулей из браунинга - «*Но я твой след подкараулю и обещаю, как врагу, что в черном браунинге пулю я для тебя приберегу*») в стихотворении, посвященном Сергею Есенину («Песня отщепенца»), проявляет какую-то несвойственную для себя нежность, называя поэта не иначе как: «милый», «дорогой», «старший брат»:

*«Милый, старший мой брат Есенин,
Голос твой - раскалённая медь...»*

Причину трагедии поэта она видит в излишней доверчивости и обманутых мечтах поэта:

Красоту в октябре суровом
Ты напрасно, мечтатель, искал.
Обманул тебя делом и словом
Подлый циник и зубоскал

Потускнело и «солнце-Ленин».
Это был просто красный фонарь...
Эх, Есенин, ты мой, Есенин,
Колокольни советской звонарь!

Много прекрасных слов сказано Есениным о России, её природе, русской деревне, народной крестьянской вере. Воспел Есенин страстно и «красный Октябрь», и вождей революции, хотя лишь незадолго до этого периода восторженно и умиленно славил Царских Дочерей:

В багровом зареве закат шипуч и пенен
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах...

и посвятил, по некоторым сведениям, изначально сборник стихов «Голубень» Царице Александре Федоровне. Писал поэт проникновенные патриотические стихи военной поры («Молитва матери», «Богатырский посвист», «Узоры»):

Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырского...
Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастырского. (Богатырский посвист. 1914)

Позже он пытался отказаться от своих патриотических стихов, созданных в дни «империалистической войны», а о своём возвышенном поэтическом посвящении Царским Дочерям предпочёл вообще никогда больше не вспоминать. Но из песни, как говорится, слова не выбрешь...

Публично отрекся Есенин, на словах, и от своей Христовой веры: «Я вовсе не религиозный человек... Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии» (1.01.1924). Впрочем, публичный отказ от религиозности - это лишь цветочки. В некоторых своих революционных творениях Есенин доходит до прямого богохульства и кощунства, при этом называя себя пророком и проклиная Радонеж и «дыхание Китежа»: «Тело, Христово Тело, выплёвываю изо рта» (Инония). Куда уже дальше!? И в то же время, позже, за два года до своей трагической смерти (1923 г), он напишет: «Положите меня в белой рубашке под иконами умирать»...

Не все маститые современники Есенина увидели в нем великого поэта. Блок, по словам Бунина, говорил, что «У Есенина талант пошлости и кощунства». Сам Бунин в эмиграции возмущался тем, что Есенину простили все его выходки и падения, как и восхваление революция: «За что русская эмиграция все ему простила? За то, видите ли, что он разудалая русская голова, за то, что он то и дело притворно рыдал, оплакивая свою горькую судьбинушку... Простила и за то, что он - «самородок»...

Зинаида Гиппиус так отзывалась о стихах Есенина: «Удаль во всю, изобилие и кутежей, - и стихов, всюду теперь печатаемых, стихов неровных, то недурных - то скверных, и естественный, понятный, рост самоупоения, - я, мол, знаменит, я скоро буду первым русским поэтом, - так «говорят»... Неприглядное положение Есенина - в этот и последующий период времени - имело, конечно, свою опасность, но, в сущности, было очень обыкновенно. И у другого, в девятнадцать лет, закружилась бы голова. У русского же человека она особенно легко кружится...».

Но той же Гиппиус ранее принадлежали и хвалебные слова о поэте: «В стихах Есенина пленяет какая-то „сказанность“ слов, слитность звука и значения, которая дает ощущение простоты... Никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие... Есенин - настоящий современный поэт».

Муж Гиппиус, Д.С. Мережковский, в Есенине выделил особо лишь «хамство». Друг семьи Мережковских, Д.В. Философов, напротив, высказывался о нём в начале весьма лестно, как о талантливом поэте из народа. Марине Цветаевой принадлежат слова: «Талантлив очень!». А Анне Ахматовой, судя по всему, Есенин не нравился: «И никогда-то его не любила, но всё-таки признавала. Понимала, что он из тех поэтов, которые в определенное время бывают необходимы обществу». И в другом месте: «Он местами совершенно неграмотен. Я не понимаю, почему так раздули его. В нем ничего нет - совсем небольшой поэт. Иногда ещё в нем есть задор, но какой пошлый». Однако ахматовскому перу принадлежит стихотворение «Смерть поэта», посвященное Есенину и написанное в 1960 году, на закате жизни поэтессы, когда подводятся итоги бытия и осуществляется переосмысление всего:

*«Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник роц.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.*

*И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели,
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли»*

Русский мыслитель Иван Ильин очень прохладно оценивает творчество Есенина: «И пока русские люди не научатся стыдиться таких клошунств - великой поэзии им не видать. Пока им нравится болтовня Есенина, кощунственно написавшего на стене Страстного монастыря слова: «бог, отелися!», до тех пор русская поэзия не сумеет оторваться от грязи и пошлости («Когда же возродится великая русская поэзия?»). В другой статье («Талант и творческое созерцание») философ всё же относит Есенина к ряду «талантливых русских поэтов», но считает, что в будущее взять у таковых нам нечего. Очень ёмки и хрестоматийны стали слова о Есенине «великого пролетарского писателя» Максима Горького: «Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения, неисчерпаемой печали полей,

любви ко всему живому в мире и милосердия...». Итак, разброс мнений очевиден. Много объясняется политическими, идеологическими причинами, субъективным взглядом на личность Есенина. Тем не менее, вряд ли найдётся ныне русская поэтическая антология, в которой имя поэта Сергея Есенина бы отсутствовало.

Чем же пленял, завораживал Есенин своих современников. Начнем с его публичных выступлений. Галина Бенеславская, ставшая близким другом и литературным секретарем поэта, вспоминала о своих первых впечатлениях о Есенине:

«1920г. Осень. «Суд над имажинистами». Большой зал консерватории. Холодно и нетоплено. Зал молодой, оживленный... Суд начинается. Выступают от разных групп: неоклассики, акмеисты, символисты - им же имя легион. Подсудимые переговариваются, что-то жуют, смеются... Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая, нараспашку оленья куртка, руки в карманах брюк, совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув назад голову и стан, начинает читать.

Плюйся, ветер, охапками листьев, -
Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина признаться удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаль - разве можно отделить? Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Думается, это порыв ветра такой с дождем, когда капли не падают на землю и они не могут даже не успевают упасть. Или это упавшие желтые осенние листья, которые нетерпеливой рукой треплет ветер, и они не могут остановиться и кружатся в водовороте. Или это пламенем костра играет ветер и треплет и рвет его в лохмотья, и беспощадно треплет самые лохмотья. Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а вот-вот, кажется, сорвется с корня и понесется неведомо куда.

Нет. Это Есенин читает «Плюйся, ветер, охапками листьев». Но это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и все, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорный ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. И в том, кто слушает, невольно просыпается та же стихия, и невольно хочется за ним повторять с той же удалью: «Я такой же, как ты, хулиган».

Потом он читал «Трубит, трубит погибельный рог!...». Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакивали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочитайте еще что-нибудь». И через несколько минут, подойдя, уже в меховой шапке с собольей оторочкой, по-ребячески прочитал еще раз «Плюйся, ветер...».

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня».

Похожие впечатления от чтения Есенина находим у многих его современников...

В близком общении с ним, - подкупали застенчивость, кротость, доброта, любовь к природе и животным, «...говоря, положила руку на сердце, что не встречала я в жизни такой мягкости, кротости и доброты», - признавалась в письме матери от 13 августа 1925 г. Софья Толстая-Есенина. А спустя семь лет после смерти любимого мужа, 14 ноября 1932 г года, она написала в дневнике такие пронзительные строки: «Увидела во сне Сергея, живого, что он воскрес. Во сне он такой же со мной, какой бывал в жизни, когда трезвый: удивительный, ласковый, тихий, ясный. И я во сне любила его так же, как тогда, так же бесконечно, безумно и преданно... Нынче весь день ношу в себе сияние от него от своей любви к нему... Господи, Сереженька мой, как я могу жить без него, и думать, что я живу, когда это только гнилая, затрепанная оболочка моя живет, а я ведь с ним погибла».

Сергей Есенин был интересным собеседником, прекрасно пел частушки и плясал, был очень требователен к себе в профессиональном плане, обладал феноменальной памятью...

Изучая биографии поэта и близких ему лиц, поражаешься обилию трагического, несчастного, а порою и таинственного. словно печать какого-то беспощадного злого рока постоянно тяготела над ним самим, его друзьями и родными. Возможно, виновато во всем то страшное роковое время, сама эпоха. Возможно. Тем не менее, какая ужасная череда смертей и убийств.

Почти через год после смерти поэта на его могиле 3 декабря 1926г. кончает жизнь самоубийством его ближайший друг и единомышленник Галина Бенеславская (1897-1926). У застрелившейся находят предсмертную записку: «3 декабря 1926 года. Самоубилась здесь, хотя знаю,

что после этого ещё больше собак будут вешать на Есенина... Но и ему, и мне это все равно. В этой могиле для меня самое дорогое».

В 1930 году репрессировали и расстреляли отца другой музы поэта - Августы Миклашевской. В ночь с 14 на 15 июля 1939 г. зверскую расправу над беззащитной Зинаидой Райх, бывшей жены и матери двух детей Сергея Есенина, совершили неизвестные. Их целью было исключительно убийство, а не грабеж или разбой. Преступление так и осталось нераскрытым. В 1937 г. был арестован по ложному доносу (в подготовке покушения на товарища Сталина) и 13 августа расстрелян сын Сергея Есенина, Юрий (от гражданского брака с Анной Изрядновой). Ещё одна бывшая жена поэта, знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан, как-то почти синхронно с бывшим мужем, погибла в результате удушения своим алым длинным шарфом, который случайно попал и запутался в колесе её прогулочного авто. Произошла эта трагедия 14 сентября 1927 г. в Ницце. Целый ряд близких друзей Есенина был репрессирован и уничтожен новой властью (Алексей Ганин, Иван Касаткин, Александр Воронский, Николай Клюев, Петр Орешин, Василий Наседкин, Иван Приблудный, Сергей Клычков и некоторые другие). Была также репрессирована в 1938 г. и на пять лет выслана из Москвы и родная сестра поэта Екатерина, а также жена Василия Наседкина.

Самого Есенина около 30-ти лет не печатали в Советском Союзе. О нем было запрещено вспоминать и ссылаться. За обнаружение его стихов полагалось весьма строгое наказание. К примеру, исключение из рядов коммунистической партии или комсомола. И, тем не менее, любовь народная пересилила все запреты и искусственное забвение. И всё-таки, что же стоит за этой всенародностью и любовью? Чем так притягателен Есенин?

Вероятнее всего, отражением многих черт самой России, её души и внутренней сути. Здесь и необъятная ширь, и удаль, и песенный размах, и журавлиная грусть, и звенящая пасхальная радость.

В стихах Есенина христианство перекликается с живописным, почти сказочным язычеством, обогащенным яркими картинами природы. Душе русского человека, наверное, всегда будут близки есенинские белые березки, заледенелые опавшие клёны, золотые рощи, пожары красных рябин, весенние гулкие рассветы, с белым дымом яблонь... Стихи у поэта насыщены почти осязаемыми красками, сотканными из проникновенных слов и созвучий: «Плачет метель, как цыганская скрипка...», «руки милой пара лебедей...», «желтые поводья месяц уронил...», «выткался над озером алый свет зари...». Множество изумительных перлов, гармоничных светлых созвучий и переливов, переборов и перезвонов, радостных и грустных, громких и тихих. Но сам Есенин - само воплощение кричащих и раздирающих душу противоречий, «но козь черти в душе гнездились - значит, ангелы жили в ней»... Трепетная детская чистая вера во Христа и Его святых сменилась у поэта Их полным отрицанием и уступила место политическим грубым трубным звукам, так не свойственным душе поэта.

Периоды взлетов сменялись тяжкими грехопадениями, после которых наступали времена самобичевания и самоуничужения. Он называет себя прохвостом, шпаной, хулиганом, негодяем... Это почти сродни истового покаяния первых христиан, - беспощадного и публичного, без намека на самооправдание и сокрытия своих прегрешений. Да, отпадение от Христа поэта от Бога было, иначе не мучилась бы так его душа, не страдала бы от непереносимой тоски и безнадежья.

Не так ли и Россия, после беснования 1917 г. вдруг превратилась из Христовой Невесты в богоборческую, разделилась сама в себе в непримиримых противоречиях, устремилась, подобно гадаринскому стаду свиней в пропасть и пала в самые глубины бездны неверия и лжи...

Испокон веков уж так водилось,
Что Россия-матушка бесилась,
А отбесится родимая - и к Боженьке
Понесут ее израненные ноженьки,
С причитаньями, мольбами да со стонами,
С покаянными слезами да с поклонами.

Такой виделась Россия в известный период истории другому русскому поэту, современнику Есенина и его тезке Сергею Бехтееву, кстати, не отступившему ни на йоту от светлых идеалов Святой Руси до конца своих дней. О массовом бесновании России написал целый цикл стихов Максимилиан Волошин, о том же говорили русские святые: «Бесы вселились в души людей, и народ России стал одержимым, буквально бесноватым...» (свт. Феофан Полтавский).

Так же как и Есенин, Россия периодически впадала в беспмятство, умопомешательство и словно искала своей гибели.

По словам матери Есенина, которые цитирует в своем дневнике от 30 декабря 1932 г. С.А. Толстая-Есенина, поэт в последние годы жизни стремился умереть, всюду искал своей смерти: «В Баку в море бросался топиться, как плакал, какое лицо, глаза у него были странные. Когда он осенью в деревню приезжал... сразу заметила, что он ненормальный. Что у него лоб и виски болели страшно. Какие припадки бешенства у него были... Как говорил: "Я ищу своей гибели")».

Таких совпадающих аномалий души поэта Есенина с душой огромной страны - России - можно отыскать немало, если продолжить поиск аналогий среди грехопадений. Но не всё было столь мрачно и безнадежно, ошибочно и безрассудно...

«Страна бесов и оргий диких, страна святых, страна Небес», - замечательно ёмко и точно выразился о России Сергей Бехтеев (1924 г. Сербия).

И к этой же антитезе прекрасного и безобразного, истинного и ложного, божественного и демонического применимы и слова признания самого Сергея Есенина:

«Розу красную с черной жабою, я хотел на земле повенчать».

3.02.2014 г. Воронеж.

Владимир Невярович.

фото А. Лазутин

Во власти осенней молчали...

Во власти осенней молчали
Озябшие недра лесов.
А тучи дожди источали
На камни родных берегов...

На блёклые травы и скалы,
На воды залива во мгле...
Казалось, природа рыдала
По брошенной нами земле.

Лишь ветви берёз над травой
Горели янтарным огнём.
Слегка содрогаясь листвою
Под долгим холодным дождём.

Был слёзный сентябрь в ностальгии,
Он будто бы вместе со мной
Прошёл через годы лихие,
А ныне вернулся домой.

Клонилась к земле покаянно,
От влаги сыра, тяжела,
Осенняя россыпь бурьяна
На бывших проулках села.

В кручине немного укора
Таил боль забытых утрат
Под сенью соснового бора
Старинный погост без оград.

Грудь кротко и долго вбирала
В себя всю печаль этих мест...
А морось водой насыщала
Сереющий памятный крест.

СТРАХ

(Рассказ моего приятеля)

Дмитрий Петрович Силин кончил курс в университете и служил в Петербурге, но в 30 лет бросил службу и занялся сельским хозяйством. Хозяйство шло у него недурно, но все-таки мне казалось, что он не на своем месте и что хорошо бы он сделал, если бы опять уехал в Петербург. Когда он, загорелый, серый от пыли, замученный работой, встречал меня около ворот или у подъезда и потом за ужином боролся с дремотой, и жена уводила его спать, как ребенка, или когда он, осилив дремоту, начинал своим мягким, душевным, точно умоляющим голосом излагать свои хорошие мысли, то я видел в нем не хозяина и не агронома, а только замученного человека, и мне ясно было, что никакого хозяйства ему не нужно, а нужно, чтоб день прошел - и слава Богу.

Я любил бывать у него и, случалось, гостил в его усадьбе дня по два, по три. Я любил и его дом, и парк, и большой фруктовый сад, и речку, и его философию, немножко вялую и витиеватую, но ясную. Должно быть, я любил и его самого, хотя не могу сказать этого наверное, так как до сих пор еще не могу разобраться в своих тогдашних чувствах. Это был умный, добрый, нескучный и искренний человек, но помню очень хорошо, что когда он поверял мне свои сокровенные тайны и называл наши отношения дружбою, то это неприятно волновало меня, и я чувствовал неловкость. В его дружбе ко мне было что-то неудобное, тягостное, и я охотно предпочел бы ей обыкновенные приятельские отношения.

Дело в том, что мне чрезвычайно нравилась его жена, Мария Сергеевна. Я влюблен в нее не был, но мне нравились ее лицо, глаза, голос, походка, я скучал по ней, когда долго не видал ее, и мое воображение в то время никого не рисовало так охотно, как эту молодую, красивую и изящную женщину. Относительно ее я не имел никаких определенных намерений и ни о чем не мечтал, но почему-то всякий раз, когда мы оставались вдвоем, я вспоминал, что ее муж считал меня своим другом, и мне становилось неловко. Когда она играла на рояле мои любимые пьесы или рассказывала мне что-нибудь интересное, я с удовольствием слушал, и в то же время почему-то в мою голову лезли мысли о том, что она любит своего мужа, что он мой друг и что она сама считает меня его другом, настроение мое портилось, и я становился вял, неловок и скучен. Она замечала эту перемену и обыкновенно говорила:

- Вам скучно без вашего друга. Надо послать за ним в поле.

И когда приходил Дмитрий Петрович, она говорила:

- Ну, вот теперь пришел ваш друг. Радуйтесь.

Так продолжалось года полтора.

Как-то раз в одно из июльских воскресений я и Дмитрий Петрович, от нечего делать, поехали в большое село Клушино, чтобы купить там к ужину закусок. Пока мы ходили по лавкам, зашло солнце и наступил вечер, тот вечер, которого я, вероятно, не забуду никогда в жизни. Купивши сыру, похожего на мыло, и окаменелой колбасы, от которой пахло дегтем, мы отправились в трактир спросить, нет ли пива. Наш кучер уехал в кузницу подковывать лошадей, и мы сказали ему, что будем ждать его около церкви. Мы ходили, говорили, смеялись над своими покупками, а за нами молча и с таинственным видом, точно сыщик, следовал человек, имевший у нас в уезде довольно странное прозвище: Сорок Мучеников. Этот Сорок Мучеников был не кто иной, как Гаврила Северов, или попросту Гаврюшка, служивший у меня недолго лакеем и уволенный мною за пьянство. Он служил и у Дмитрия Петровича, и им тоже был уволен всё за тот же грех. Это был лютый пьяница, да и вообще вся его судьба была пьяною и такою же беспутною, как он сам. Отец у него был священник, а мать дворянка, значит, по рождению принадлежал он к сословию привилегированному, но как я ни всматривался в его испитое, почтительное, всегда потное лицо, в его рыжую, уже седеющую бороду, в жалкенький рваный пиджак и красную рубаху навыпуск, я никак не мог найти даже следа того, что у нас в общегитии зовется привилегиями. Он называл себя образованным и рассказывал, что учился в духовном училище, где курса не кончил, так как его уволили за курение табаку; затем пел в архиерейском хоре и года два жил в монастыре, откуда его тоже уволили, но уж не за курение, а за "слабость". Он исходил пешком две губернии, подавал зачем-то прошения в консистории и в разные присутственные места, четыре раза был под судом. Наконец, застрявши у нас в уезде, он служил в лакеях, лесниках, псарях, церковных сторожах, женился на гулящей вдове-кухарке и окончательно погряз в холуйскую жизнь и так сжился с ее грязью и дрызгами, что уже сам говорил о своем

привилегированном происхождении с некоторым недоверием, как о каком-то мифе. В описываемое время он шатался без места, выдавая себя за коновала и охотника, а жена его пропадала где-то без вести.

Из трактира мы пошли к церкви и сели на паперти в ожидании кучера. Сорок Мучеников стал поодаль и поднес руку ко рту, чтобы почтительно кашлянуть в нее, когда понадобится. Было уже темно; сильно пахло вечерней сыростью и собиралась восходить луна. На чистом, звездном небе было только два облака и как раз над нами: одно большое, другое поменьше; они одинокие, точно мать с дитятею, бежали друг за дружкой в ту сторону, где догорала вечерняя заря.

- Славный сегодня день, - сказал Дмитрий Петрович.

- До чрезвычайности... - согласился Сорок Мучеников и почтительно кашлянул в руку. - Как это вы, Дмитрий Петрович, изволили надумать сюда приехать? - спросил он вкрадчивым голосом, видимо, желая завязать разговор.

Дмитрий Петрович ничего не ответил. Сорок Мучеников глубоко вздохнул и проговорил тихо, не глядя на нас:

- Страдаю единственно через причину, за которую должен дать ответ всемогущему Богу. Оно, конечно, человек я потерянный и неспособный, но верьте совести: без куса хлеба и хуже собаки... Простите, Дмитрий Петрович!

Силин не слушал и, подперев голову кулаками, о чем-то думал. Церковь стояла на краю улицы, на высоком берегу, и нам сквозь решетку ограды были видны река, заливные луга по ту сторону и яркий, багровый огонь от костра, около которого двигались черные люди и лошади. А дальше за костром еще огоньки: это деревушка... Там пели песню.

На реке и кое-где на лугу поднимался туман. Высокие, узкие клочья тумана, густые и белые, как молоко, бродили над рекой, заслоня отражения звезд и цепляясь за ивы. Они каждую минуту меняли свой вид и казалось, что одни обнимались, другие кланялись, третьи поднимали к небу свои руки с широкими поповскими рукавами, как будто молились... Вероятно, они навели Дмитрия Петровича на мысль о привидениях и покойниках, потому что он обернулся ко мне лицом и спросил, грустно улыбаясь:

- Скажите мне, дорогой мой, почему это, когда мы хотим рассказать что-нибудь страшное, таинственное и фантастическое, то черпаем материал не из жизни, а непременно из мира привидений и загробных теней?

- Страшно то, что непонятно.

- А разве жизнь вам понятна? Скажите: разве жизнь вы понимаете больше, чем загробный мир?

Дмитрий Петрович подсел ко мне совсем близко, так что я чувствовал на своей щеке его дыхание. В вечерних сумерках его бледное, худощавое лицо казалось еще бледнее, а темная борода - чернее сажи. Глаза у него были грустные, искренние и немножко испуганные, как будто он собирался рассказать мне что-нибудь страшное. Он смотрел мне в глаза и продолжал своим, по обыкновению, умоляющим голосом:

- Наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны. Кто боится привидений, тот должен бояться и меня, и этих огней, и неба, так как всё это, если вдуматься хорошенько, непостижимо и фантастично не менее, чем выходцы с того света. Принц Гамлет не убивал себя потому, что боялся тех видений, которые, быть может, посетили бы его смертный сон; этот его знаменитый монолог мне нравится, но, откровенно говоря, он никогда не трогал меня за душу. Признаюсь вам, как другу, я иногда в тоскливые минуты рисовал себе свой смертный час, моя фантазия изобретала тысячи самых мрачных видений, и мне удавалось доводить себя до мучительной экзальтации, до кошмара, и это, уверяю вас, мне не казалось страшнее действительности. Что и говорить, страшны видения, но страшна и жизнь. Я, голубчик, не понимаю и боюсь жизни. Не знаю, быть может, я больной, свихнувшийся человек. Нормальному, здоровому человеку кажется, что он понимает всё, что видит и слышит, а я вот утерял это "кажется" и изо дня в день отравляю себя страхом. Есть болезнь - боязнь пространства, так вот и я болен боязнью жизни. Когда я лежу на траве и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимает, то мне кажется, что ее жизнь состоит из сплошного ужаса, и в ней я вижу самого себя.

- Что же собственно вам страшно? - спросил я.

- Мне всё страшно. Я человек от природы не глубокий и мало интересуюсь такими вопросами, как загробный мир, судьбы человечества, и вообще редко уношусь в высь поднебесную. Мне страшна главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться. Я

неспособен различать, что в моих поступках правда и что ложь, и они тревожат меня; я сознаю, что условия жизни и воспитание заключили меня в тесный круг лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, как ежедневная забота о том, чтобы обманывать себя и людей и не замечать этого, и мне страшно от мысли, что я до самой смерти не выберусь из этой лжи. Сегодня я делаю что-нибудь, а завтра уж не понимаю, зачем я это сделал. Поступил я в Петербурге на службу и испугался, приехал сюда, чтобы заняться сельским хозяйством, и тоже испугался... Я вижу, что мы мало знаем и поэтому каждый день ошибаемся, бываем несправедливы, клеветаем, заедаем чужой век, расходуем все свои силы на вздор, который нам не нужен и мешает нам жить, и это мне страшно, потому что я не понимаю, для чего и кому всё это нужно. Я, голубчик, не понимаю людей и боюсь их. Мне страшно смотреть на мужиков, я не знаю, для каких таких высших целей они страдают и для чего они живут. Если жизнь есть наслаждение, то они лишние, ненужные люди; если же цель и смысл жизни - в нужде и непроходимом, безнадежном невежестве, то мне непонятно, кому и для чего нужна эта инквизиция. Никого и ничего я не понимаю. Извольте-ка вы понять вот этого субъекта! - сказал Дмитрий Петрович, указывая на Сорок Мучеников. - Вдумайтесь!

Заметив, что оба мы посмотрели на него, Сорок Мучеников почтительно кашлянул в кулак и сказал:

- У хороших господ я всегда был верной слугой, но главная причина - спиртные напитки. Ежели бы мне теперь уважили, несчастному человеку, и дали место, то я бы образ поцеловал. Слово мое твердо!

Церковный сторож прошел мимо, с недоумением посмотрел на нас и стал дергать за веревку. Колокол медленно и протяжно, резко нарушая тишину вечера, пробил десять.

- Однако, уже десять часов! - сказал Дмитрий Петрович. - Пора бы уж нам ехать. Да, голубчик мой, - вздохнул он, - если бы вы знали, как я боюсь своих обыденных, житейских мыслей, в которых, кажется, не должно быть ничего страшного. Чтоб не думать, я развлекаю себя работой и стараюсь утомиться, чтоб крепко спать ночью. Дети, жена - у других это обыкновенно, но у меня как это тяжело, голубчик!

Он помял руками лицо, крикнул и засмеялся.

- Если б я мог рассказать вам, какого я дурака разыграл в жизни! - сказал он. - Мне все говорят: у вас милая жена, прелестные дети и сами вы прекрасный семьянин. Думают, что я очень счастлив, и завидуют мне. Ну, коли на то пошло, то скажу вам по секрету: моя счастливая семейная жизнь - одно только печальное недоразумение, и я боюсь ее.

Его бледное лицо стало некрасивым от напряженной улыбки. Он обнял меня за талию и продолжал вполголоса:

- Вы мой искренний друг, я вам верю и глубоко уважаю вас. Дружбу посылает нам небо для того, чтобы мы могли высказываться и спасаться от тайн, которые угнетают нас. Позвольте же мне воспользоваться вашим дружеским расположением ко мне и высказать вам всю правду. Моя семейная жизнь, которая кажется вам такою восхитительной, - мое главное несчастье и мой главный страх. Я женился странно и глупо. Надо вам сказать, что до свадьбы я любил Машу безумно и ухаживал за нею два года. Я делал ей предложение пять раз, и она отказывала мне, потому что была ко мне совершенно равнодушна. В шестой раз, когда я, угоревши от любви, ползал перед ней на коленях и просил руки, как милостыни, она согласилась. Так она сказала мне: "Я вас не люблю, но буду вам верна". Такое условие я принял с восторгом. Я тогда понимал, что это значит, но теперь, клянусь Богом, не понимаю. "Я вас не люблю, но буду вам верна", - что это значит? Это туман, потемки. Я люблю ее теперь так же сильно, как в первый день свадьбы, а она, мне кажется, по-прежнему равнодушна и, должно быть, бывает рада, когда я уезжаю из дому. Я не знаю наверное, любит она меня или нет, не знаю, не знаю, но ведь мы живем под одной крышей, говорим друг другу ты, спим вместе, имеем детей, собственность у нас общая. Что же это значит? К чему это? И понимаете ли вы что-нибудь, голубчик? Жестокая пытка! Оттого, что в наших отношениях я ничего не понимаю, я ненавижу то ее, то себя, то обоих вместе, всё у меня в голове перепуталось; я мучаю себя и тупею, а как назло она с каждым днем всё хорошеет, она становится удивительной. По-моему, волосы у нее замечательные, а улыбается она, как ни одна женщина. Я люблю и знаю, что люблю безнадежно. Безнадежная любовь к женщине, от которой имеешь уже двух детей! Разве это понятно и не страшно? Разве это не страшнее привидений?

Он находился в таком настроении, что говорил бы еще очень долго, но, к счастью, послышался голос кучера. Пришли наши лошади. Мы сели в коляску, и Сорок Мучеников, сняв шапку, посадил нас обоих и с таким выражением, как будто давно уже ждал случая, чтобы прикоснуться к нашим драгоценным телам.

- Дмитрий Петрович, позвольте к вам прийти, - проговорил он, сильно моргая глазами и склонив голову набок. - Явите божескую милость! Пропадаю с голоду!

- Ну, ладно, - сказал Силин. - Приходи, поживешь три дня, а там увидим.

- Слушаю-с! - обрадовался Сорок Мучеников. - Я сегодня же приду-с.

До дому было шесть верст. Дмитрий Петрович, довольный тем, что наконец высказался перед другом, всю дорогу держал меня за талию, и уж не с горечью и не с испугом, а весело говорил мне, что если бы у него в семье было благополучно, то он вернулся бы в Петербург и занялся там наукой. То веяние, говорил он, которое погнало в деревню столько даровитых молодых людей, было печальное веяние. Ржи и пшеницы у нас в России много, но совсем нет культурных людей. Надо, чтобы даровитая, здоровая молодежь занималась науками, искусствами и политикой; поступать иначе - значит быть нерасчетливым. Он философствовал с удовольствием и выражал сожаление, что завтра рано утром расстанется со мной, так как ему нужно ехать на лесные торги.

А мне было неловко и грустно, и казалось мне, что я обманываю человека. И в то же время мне было приятно. Я смотрел на громадную, багровую луну, которая восходила, и воображал себе высокую, стройную блондинку, бледнолицую, всегда нарядную, пахнущую какими-то особенными духами, похожими на мускус, и мне почему-то весело было думать, что она не любит своего мужа.

Приехав домой, мы сели ужинать. Мария Сергеевна, смеясь, угощала нас нашими покупками, а я находил, что у нее в самом деле замечательные волосы и что улыбается она, как ни одна женщина. Я следил за ней, и мне хотелось в каждом ее движении и взгляде видеть то, что она не любит своего мужа, и мне казалось, что я это вижу. Дмитрий Петрович скоро стал бороться с дремотой. После ужина он посидел с нами минут десять и сказал:

- Как вам угодно, господа, а мне завтра нужно вставать в три часа. Позвольте оставить вас.

Он нежно поцеловал жену, крепко, с благодарностью пожал мне руку и взял с меня слово, что я непременно приеду на будущей неделе. Чтобы завтра не проспать, он пошел ночевать во флигель. Мария Сергеевна ложилась спать поздно, по-петербургски, и теперь почему-то я был рад этому.

- Итак? - начал я, когда мы остались одни. - Итак, вы будете добры, сыграете что-нибудь.

Мне не хотелось музыки, но я не знал, как начать разговор. Она села за рояль и сыграла, не помню что. Я сидел возле, смотрел на ее белые, пухлые руки и старался прочесть что-нибудь на ее холодном, равнодушном лице.

Но вот она чему-то улыбнулась и поглядела на меня.

- Вам скучно без вашего друга, - сказала она.

Я засмеялся.

- Для дружбы достаточно было бы ездить сюда раз в месяц, а я бываю тут чаще, чем каждую неделю.

Сказавши это, я встал и в волнении прошелся из угла в угол. Она тоже встала и отошла к камину.

- Вы что хотите этим сказать? - спросила она, поднимая на меня свои большие, ясные глаза.

Я ничего не ответил.

- Вы сказали неправду, - продолжала она, подумав. - Вы бываете здесь только ради Дмитрия Петровича. Что ж, я очень рада. В наш век редко кому приходится видеть такую дружбу.

"Эге!" - подумал я и, не зная, что сказать, спросил: - Хотите пройтись по саду?

- Нет.

Я вышел на террасу. По голове у меня бегали мурашки и мне было холодно от волнения. Я уже был уверен, что разговор наш будет самый ничтожный и что ничего особенного мы не сумеем сказать друг другу, но что непременно в эту ночь должно случиться то, о чем я не смел даже мечтать. Непременно в эту ночь, или никогда.

- Какая хорошая погода! - сказал я громко.

- Для меня это решительно всё равно, - послышался ответ.

Я вошел в гостиную. Мария Сергеевна по-прежнему стояла около камина, заложив назад руки, о чем-то думая, и смотрела в сторону.

- Почему же это для вас решительно всё равно? - спросил я.

- Потому что мне скучно. Вам бывает скучно только без вашего друга, а мне всегда скучно. Впрочем... это для вас не интересно.

Я сел за рояль и взял несколько аккордов, выжидая, что она скажет.

- Вы, пожалуйста, не церемоньтесь, - сказала она, сердито глядя на меня и точно собираясь заплакать с досады. - Если вам хочется спать, то уходите. Не думайте, что если вы друг Дмитрия Петровича, то уж обязаны скучать с его женой. Я не хочу жертвы. Пожалуйста, уходите.

Я не ушел, конечно. Она вышла на террасу, а я остался в гостиной и минут пять перелистывал ноты. Потом и я вышел. Мы стояли рядом в тени от занавесок, а под нами были ступени, залитые лунным светом. Через цветочные клумбы и по желтому песку аллеи тянулись черные тени деревьев.

- Мне тоже нужно уезжать завтра, - сказал я.

- Конечно, если мужа нет дома, то вам нельзя оставаться здесь, - проговорила она насмешливо. - Воображаю, как бы вы были несчастны, если бы влюбились в меня! Вот погодите, я когда-нибудь возьму и брошусь вам на шею... Посмотрю, с каким ужасом вы побежите от меня. Это интересно.

Ее слова и бледное лицо были сердиты, но ее глаза были полны самой нежной, страстной любви. Я уже смотрел на это прекрасное создание, как на свою собственность, и тут впервые я заметил, что у нее золотистые брови, чудные брови, каких я раньше никогда не видел. Мысль, что я сейчас могу привлечь ее к себе, ласкать, касаться ее замечательных волос, представилась мне вдруг такую чудовищной, что я засмеялся и закрыл глаза.

- Однако уже пора... Спокойной ночи, - проговорила она.

- Я не хочу спокойной ночи... - сказал я, смеясь и идя за ней в гостиную. - Я прокляну эту ночь, если она будет спокойной. - Пожимая ей руку и провожая ее до двери, я видел по ее лицу, что она понимает меня и рада, что я тоже понимаю ее.

Я пошел к себе в комнату. На столе у меня около книг лежала фуражка Дмитрия Петровича, и это напомнило мне об его дружбе. Я взял трость и вышел в сад. Тут уж подымался туман, и около деревьев и кустов, обнимая их, бродили те самые высокие и узкие привидения, которых я видел давеча на реке. Как жаль, что я не мог с ними говорить!

В необыкновенно прозрачном воздухе отчетливо выделялись каждый листок, каждая росянка - всё это улыбалось мне в тишине, спросонок, и, проходя мимо зеленых скамей, я вспоминал слова из какой-то шекспировской пьесы: как сладко спит сияние луны здесь на скамье!

В саду была горка. Я взошел на нее и сел. Меня томило очаровательное чувство. Я знал наверное, что сейчас буду обнимать, прижиматься к ее роскошному телу, целовать золотые брови, и мне хотелось не верить этому, дразнить себя, и было жаль, что она меня так мало мучила и так скоро сдалась. Но вот неожиданно послышались тяжелые шаги. На аллее показался мужчина среднего роста, и я тотчас же узнал в нем Сорок Мучеников. Он сел на скамью и глубоко вздохнул, потом три раза перекрестился и лег. Через минуту он встал и лег на другой бок. Комары и ночная сырость мешали ему уснуть.

- Ну, жизнь! - проговорил он. - Несчастливая, горькая жизнь!

Глядя на его тощее, согнутое тело и слушая тяжелые, хриплые вздохи, я вспомнил еще про одну несчастную, горькую жизнь, которая сегодня исповедалась мне, и мне стало жутко и страшно своего блаженного состояния. Я спустился с горки и пошел к дому. "Жизнь, по его мнению, страшна, - думал я, - так не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери всё, что можно урвать от нее".

На террасе стояла Мария Сергеевна. Я молча обнял ее и стал жадно целовать ее брови, виски, шею...

В моей комнате она говорила мне, что она любит меня уже давно, больше года. Она клялась мне в любви, плакала, просила, чтобы я увез ее к себе. Я то и дело подводил ее к окну, чтобы посмотреть на ее лицо при лунном свете, и она казалась мне прекрасным сном, и я торопился крепко обнять ее, чтобы поверить в действительность. Давно уж я не переживал таких восторгов... Но все-таки далеко, где-то в глубине души я чувствовал какую-то неловкость и мне было не по себе. В ее любви ко мне было что-то неудобное и тягостное, как в дружбе Дмитрия Петровича. Это была большая, серьезная любовь со слезами и клятвами, а я хотел, чтобы не было ничего серьезного - ни слез, ни клятв, ни разговоров о будущем. Пусть бы эта лунная ночь промелькнула в нашей жизни светлым метеором - и баста.

Ровно в три часа она вышла от меня и, когда я, стоя в дверях, смотрел ей вслед, в конце коридора вдруг показался Дмитрий Петрович. Встретясь с ним, она вздрогнула и дала ему дорогу, и во всей ее фигуре было написано отвращение. Он как-то странно улыбнулся, кашлянул и вошел ко мне в комнату.

- Тут я забыл вчера свою фуражку... - сказал он, не глядя на меня.

Он нашел и обеими руками надел на голову фуражку, потом посмотрел на мое смущенное лицо, на мои туфли и проговорил не своим, а каким-то странным, сильным голосом:

- Мне, вероятно, на роду написано ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю вас. У меня темно в глазах.

И он вышел, покашливая. Потом я видел в окно, как он сам около конюшни запрягал лошадей. Руки у него дрожали, он торопился и оглядывался на дом; вероятно, ему было страшно. Затем он сел в тарантас и со странным выражением, точно боясь погони, ударил по лошадям.

Немного погодя уехал и я сам. Уже восходило солнце и вчерашний туман робко жался к кустам и пригоркам. На козлах сидел Сорок Мучеников, уже успевший где-то выпить, и молот пьяный вздор.

- Я человек вольный! - кричал он на лошадей. - Эй, вы, малиновые! Я потомственный почетный гражданин, ежели желаете знать!

Страх Дмитрия Петровича, который не выходил у меня из головы, сообщился и мне. Я думал о том, что случилось, и ничего не понимал. Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают.

- Зачем я это сделал? - спрашивал я себя в недоумении и с отчаянием. - Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой? При чем тут фуражка?

В тот же день я уехал в Петербург, и с Дмитрием Петровичем и его женой уж больше ни разу не виделся. Говорят, что они продолжают жить вместе.

А.П. ЧЕХОВ.

*Любую депрессию надо встречать с улыбкой.
Депрессия подумает, что вы идиот и сбежит.
Роберт Де Ниро.*

С вечера поссорились супруги,
Говорили много резких слов.
Сгоряча не поняли друг друга,
Напрочь позабыли про любовь.
Утром мужу на работу рано,
А на сердце - горечи печать.
За ночь глупость ссоры осознал он,
Подошел жену поцеловать.
Не спала, но все же притворилась,
Отвернула в сторону лицо.
В глубине обида затаилась,
Как удав, свернувшийся кольцом.
Дверь закрыл - ни слова на прощанье,
Со двора на окна посмотрел...
Если б они знали, если б знали,
Что ушел из дома насовсем.
А жена привычными делами,
Как всегда, своими занялась:
Детское белье постирала,
Борщ сварила, в доме прибралась.
Чистый пол, помытая посуда,
И с работы скоро муж придет.
- Я с ним разговаривать не буду,
Пусть прощенья просит, пусть поймет.
Гордость в сердце вздыбилась высоко:
- Первою к нему не подойду!
По ролям разыгрывалась ссора
В воспаленном дьяволом мозгу.
Шесть пробило, семь и пол - восьмого...
Неподвижна дверь, молчит порог.

И в тревоге что - то сердце ноет,
Где же задержаться так он мог?
Вдруг какой - то крик и суматоха,
Чей - то голос, плачущий навзрыд,
И соседский мальчуган Алеха
Крикнул запыхавшись: «В шахте взрыв!»
Взрыв. Совсем коротенькое слово,
Сердце будто в клочья порвало.
Нет, она к такому не готова!
Может, жив он, может, повезло.
И в слезах по улице бежала,
Вспоминая с болью прошлый день,
Как в обиде злилась и кричала,
Застилала разум злобы тень.
Заведенной куклой повторяла:
- Мой родной, о только бы не ты.
Я б к твоим ногам сейчас упала,
Прошептал короткое «прости».
Им бы знать вчера, что будет завтра,
По-другому все могло бы быть.
Смерть, как вор, приходит, так внезапно,
Не оставив шанса долюбить.
Прогремит неумолимо грозно
Приговор. Его не изменить.
Исправлять ошибки слишком поздно,
С этой болью ей придется жить.
Люди, будьте к ближним своим мягче,
Относитесь с нежностью, добром
И не обижайте, а иначе
Можно горько каяться потом.

Эдуард Асадов

Ревность

Юмористический рассказ.

Почти каждый день найдете вы в газетах известие о том, что кто-нибудь совершил убийство из ревности. И до такой степени стало это обычным, что даже не дочитываешь до конца, - все равно знаешь наперед, что из ревности. Да и не одно убийство! Самые разнообразные преступления и проступки объясняются ревностью.

Чтобы бороться с этим ужасным злом, французы выстроили даже специальную лечебницу для ревнивых и пользуют их с большим успехом. Чувствуется, что не сегодня завтра найдут микроб ревности, и тогда дело будет поставлено вполне на научных основаниях. Да и пора.

Ревность в человечестве растет и ширится и захватывает, казалось бы, совсем неподведомственные ей учреждения. Как вам, например, понравится такая история:

«Крестьянин Никодим Д., проживающий на Можайской улице, пришел к своей знакомой мещанке Анисье В. и стал требовать от нее денег. Когда же Анисья денег дать отказалась, крестьянин Д. из ревности перерезал ей горло». Недаром писал Соломон: «Люта, как преисподняя, ревность!» «Мещанин К. убил лавочника и ограбил выручку. Преступление свое объясняет ревностью». Недавно на Николаевском вокзале арестовали известного железнодорожного вора. Пойманный как раз в ту минуту, когда тащил бумажник из кармана зазевавшегося пассажира, вор объяснил свой поступок сильной вспышкой ревности. По его словам, и все предыдущие кражи он совершал под влиянием этого грозного чувства.

Присяжные, сами в большинстве случаев люди ревнивые, всегда оправдывают преступления из ревности. А сколько ужасов, никому не известных или известных очень немногим, причиняет супружеская ревность! Одна молодая дама приехала весной к себе домой из Гостиного двора. Извозчик ей попался на белой лошади, которых многие избегают в весеннее время, чтобы не пачкать платье. Муж встретил даму очень сурово и, окинув взглядом ее костюм, воскликнул со злым торжеством:

- И вы будете отрицать, что ездили на свидание!

Дама отрицала, объясняла, показывала сделанные ею покупки.

- Хорошо-с! - холодно ответил муж. - Но не будете ли вы любезны открыть мне имя старика, который линял на ваше платье? - И он указал на ключья белых лошадиных волос, прилипшие к коленям несчастной.

Пораженная неопровержимой уликой, бедная женщина тут же согласилась на развод, взяла на себя вину и обязанность выплачивать алименты пострадавшей стороне, которая с большим трудом утешилась, женившись на собственной кухарке.

Но тяжелее и хуже всех этих убийств одна тихая семейная драма, о которой из посторонних знала только я одна, и то случайно. Потом скажу, почему я о, этом знаю. Здесь речь идет о ревности, которая втерлась в душу любящей женщины, развратила ее любящего и верного мужа и разрушила долгодетный союз.

Жили эти супруги очень дружно в продолжение шести лет. Срок немалый для современного чувства. Вот как-то приехала к жене, которую назовем для удобства Марьей Ивановной (собственно говоря, для моего удобства, потому что, рассказывая о двух женщинах, из которых каждая в отдельности «она», очень легко запутаться), ее приятельница и осталась обедать.

Подруги сидели уже за столом, когда прибежал со службы муж Марьи Ивановны. Обедали, разговаривали. Только замечает Марья Ивановна, что муж ее что-то неестественно оживлен. Она стала приглядываться. Когда гостя ушла, Марья Ивановна сказала мужу:

- Неужели она тебе так понравилась?

- Да, она славная, - отвечал тот.

- Что же тебе в ней так понравилось?

- Да просто я в хорошем настроении. Мне сегодня обещали прибавку и отпуск.

Дело, казалось бы, естественное, но Марья Ивановна, как тонкий психолог, поняла, что это просто мужской выверт, и продолжала:

- У нее чудные глаза! Не правда ли?

- Да? Не заметил. Нужно будет поглядеть.

- Что за руки! Нежные, ласковые! Так и хочется поцеловать! Правда? Я приглашу ее завтра. Хорошо?

- Хорошо. Нужно будет посмотреть на нее повнимательнее, раз ты так восхищаешься.

На другой день муж внимательно смотрел на приятельницу и часто целовал ей руки, а Марья Ивановна думала: «Ага!»

Через два дня, когда он сильно опоздал к обеду, Марья Ивановна сказала, поджимая губы:

- Ты был на набережной и гулял с Лизой.

- Что-о?!

- Пожалуйста, не притворяйся. Ты прекрасно знаешь, что она в эти часы гуляет по набережной. Конечно, тебе приятно пройтись с такой красивой женщиной, на которую все оборачиваются. Это, говорят, совсем особенное чувство.

Муж Марьи Ивановны, человек молодой и по натуре довольно увлекающийся, хотя и сдержанный, немножко призадумался. Думал он дня два, а на третий, выходя со службы, нанял извозчика прямо на набережную, разыскал там приятельницу своей жены и проводил ее домой.

- Ты, конечно, уже пригласил ее с собой в театр? - спросила его Марья Ивановна, наливая остывший суп.

Муж растерянно пожал плечами, - ему и в голову не пришло! Но через несколько дней он уже исправил свою ошибку и повел приятельницу жены в «Фарс».

На другое утро Марья Ивановна сказала ему:

- Где вы ужинали?

Он молчал. Ему стыдно было признаться, что он не догадался пригласить свою даму в ресторан.

- Я вас спрашиваю, где вы с ней вчера ужинали? - гневно настаивала Марья Ивановна и, не дождавшись ответа, ушла, хлопнув дверью.

Целую неделю она с мужем не разговаривала. Бедняк мучился несказанно. Он уже успел за это время побывать с приятельницей в ресторане, но совершенно не знал, что ему делать дальше. Без опытных наставлений жены он был как без рук. «Что мне делать! Что мне делать! - думал он. - Нельзя же все гулять да ужинать! Надоест!»

На седьмой день жена сказала, презрительно поджимая губы:

- Чего же вы сегодня дома? Такая чудная погода. Везите вашу пассию в Павловск! Целуйтесь с ней под каждым кустом! Вы думаете, я не знаю, куда вы с ней ездите? Ха-ха!

Муж схватил пальто и радостно выбежал на улицу. Теперь, слава Богу, он знал, что нужно делать. Через неделю жена наклеила на окна билетки.

- Раз вы решили с осени жить вместе, - с достоинством объяснила она, - то я хочу вовремя сдать квартиру. Для меня одной она слишком велика.

Муж вздохнул и пошел к приятельнице. К его удивлению, та выслушала его очень сухо и даже как будто не совсем поняла, чего он хочет.

- Я вижу, - сказала она, - что вы придаете слишком серьезное значение нашему маленькому флирту. Лучше расстанемся.

Он не огорчился, а только растерялся и пошел к жене за дальнейшими указаниями. Она и слушать его не стала.

- Я все знаю! Все! У вас мало денег, и вы требуете, чтобы я обеспечила вашу новую семью!

Он так привык слушаться ее в своих любовных делишках, что бессознательно повторил:

- Требую! Требую!

Она заплакала.

- Теперь вы на меня кинетесь с кулаками! За то, что я... не захочу-у-у!

- Подлая! - заорал он вдруг и, вскочив с места, стал изо всей силы трясти ее за плечи. - Подлая! Обеспечь нас всех! Всех обеспечь сейчас же!

Подруга была очень удивлена, когда узнала, что неизвестное лицо положило в банк деньги на ее имя. У Марьи Ивановны она больше не бывала. Сама Марья Ивановна от доброй встряски точно иссякла и не могла больше обдумывать делишки своего мужа.

Оба скоро успокоились и считали, что дешево отделались от урагана страсти, чуть не разбившей их семейную жизнь.

Ревность - штука лютая. Заставит ли она убить любимого человека или женить его на сопернице, - и то и другое хлопотно и неприятно. И если у нас построят лечебницу для ревнивых, то я чистосердечно готова приветствовать благое начинание.

P.S. Я еще забыла сказать, откуда я узнала в таких подробностях о рассказанной мною трагической истории. Очень просто:

Я ее сама выдумала.

Надежда Тэффи

Я не всегда оставляю тебя в дураках. Иногда ты это делаешь сам.

Свидание

(Из цикла "Записки охотника")

Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берез внезапно принимали нежный отблеск белого шелка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цветку переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять все кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, березы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. Листва на березах была еще почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождем. Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы. Прежде чем я остановился в этом березовом леску, я с своей собакой прошел через высокую осиную рощу. Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево - осину - с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходит в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облистая одинаковым желтым багрянцем, - или когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист ее, подхваченный стремленьем, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановясь в осиновой роще для отдыха, добрался до березового леска, угнезвился под одним деревцом, у которого сучья начинались низко над землей и, следовательно, могли защитить меня от дождя, и, полюбовавшись окрестным видом, заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам.

Не могу сказать, сколько я времени проспал, но когда я открыл глаза - вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанные взывавшим ветром; погода расчистилась, и в воздухе чувствовалась та особенная, сухая свежесть, которая, наполняя сердце каким-то бодрым ощущеньем, почти всегда предсказывает мирный и ясный вечер после ненастного дня. Я собрался было встать и снова попытать счастья, как вдруг глаза мои остановились на неподвижном человеческом образе. Я взгляделся: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и уронив обе руки на колени; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом ее дыханье тихо скользил на клетчатую юбку. Чистая белая рубаха, застегнутая у горла и кистей, ложилась короткими мягкими складками около ее стана; крупные желтые бусы в два ряда спускались с шеи на грудь. Она была очень недурна собою. Густые белокурые волосы прекрасного пепельного цвета расходились двумя тщательно причесанными полукругами из-под узкой алой повязки, надвинутой почти на самый лоб, белый, как слоновая кость; остальная часть ее лица едва загорела тем золотистым загаром, который принимает одна тонкая кожа. Я не мог видеть ее глаз - она их не поднимала; но я ясно видел ее тонкие, высокие брови, ее длинные ресницы: они были влажны, и на одной из ее щек блистал на солнце высохший след слезы, остановившейся у самых губ, слегка побледневших. Вся ее головка была очень мила; даже немного толстый и круглый нос ее не портил. Мне особенно нравилось выражение ее

лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского недоумения перед собственной грустью. Она, видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она тотчас подняла голову и оглянулась; в прозрачной тени быстро блеснули передо мной ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани. Несколько мгновений прислушивалась она, не сводя широко раскрытых глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цветы. Веки ее покраснели, горько шевельнулись губы, и новая слеза прокатилась из-под густых ресниц, останавливаясь и лучисто сверкая на щеке. Так прошло довольно много времени; бедная девушка не шевелилась, - лишь изредка тоскливо поводила руками и слушала, все слушала... Снова что-то зашумело по лесу, - она встрепенулась. Шум не переставал, становился явственней, приближался, слышались наконец решительные, проворные шаги. Она выпрямилась и как будто оробела; ее внимательный взор задрожал, зажегся ожиданием. Сквозь чашу быстро замелькала фигура мужчины. Она вгляделась, вспыхнула вдруг, радостно и счастливо улыбнулась, хотела было встать и тотчас опять поникла вся, побледнела, смутилась - и только тогда подняла трепещущий, почти молящий взгляд на пришедшего человека, когда тот остановился рядом с ней.

Я с любопытством посмотрел на него из своей засады. Признаюсь, он не произвел на меня приятного впечатления. Это был, по всем признакам, избалованный камердинер молодого, богатого барина. Его одежда изобличала притязание на вкус и щегольскую небрежность: на нем было коротенькое пальто бронзового цвета, вероятно, с барского плеча, застегнутое доверху, розовый галстучек с лиловыми кончиками и бархатный черный картуз с золотым галуном, надвинутый на самые брови. Круглые воротнички его белой рубашки немилосердно подпирали ему уши и резали щеки, а накрахмаленные рукавички закрывали всю руку вплоть до красных и кривых пальцев, украшенных серебряными и золотыми кольцами с незабудками из бирюзы. Лицо его, румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которые, сколько я мог заметить, почти всегда возмущают мужчин и, к сожалению, очень часто нравятся женщинам. Он, видимо, старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и скучающее; беспрестанно шурил свои и без того крошечные мелочно-серые глазки, морщился, опускал углы губ, принужденно зевал и с небрежной, хотя не совсем ловкой развязностью то поправлял рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипал желтые волосики, торчавшие на толстой верхней губе, - словом, ломался нестерпимо. Начал он ломаться, как только увидел молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистым шагом подошел он к ней, постоял, передернул плечами, засунул обе руки в карманы пальто и, едва удостоив бедную девушку беглым и равнодушным взглядом, опустил ее на землю.

- А что, - начал он, продолжая глядеть в сторону, качая ногою и зевая, - давно ты здесь?

Девушка не могла тотчас ему отвечать.

- Давно-с, Виктор Александрыч, - проговорила она наконец едва слышным голосом.

- А! (Он снял картуз, величественно провел рукою по густым, туго завитым волосам, начинавшимся почти у самых бровей, и, с достоинством посмотрев кругом, бережно прикрыл опять свою драгоценную голову.) А я было совсем и позабыл. Притом, вишь, дождик! (Он опять зевнул.) Дела пропасть: за всем не усмотришь, а тот еще бранится. Мы завтра едем...

- Завтра? - произнесла девушка и устремила на него испуганный взор.

- Завтра. Ну, ну, ну, пожалуйста, - подхватил он поспешно и с досадой, увидев, что она затрепетала вся и тихо наклонила голову, - пожалуйста, Акулина, не плачь. Ты знаешь, я этого терпеть не могу. (И он наморщил свой тупой нос.) А то сейчас уйду. Что за глупости, хныкать!

- Ну, не буду, не буду, - торопливо произнесла Акулина, с усилием глотая слезы. - Так вы завтра едете? - прибавила она после небольшого молчания. - Когда-то Бог приведет опять увидеться с вами, Виктор Александрыч?

- Увидимся, увидимся. Не в будущем году, так после. Барин-то, кажется, в Петербурге на службу поступить желает, - продолжал он, выговаривая слова небрежно и несколько в нос, - а может быть, и за границу уедем.

- Вы меня забудете, Виктор Александрыч, - печально промолвила Акулина.

- Нет, отчего же? Я тебя не забуду: только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца... А я тебя не забуду - не-ет. (И он спокойно потянулся и опять зевнул.)

- Не забывайте меня, Виктор Александрыч, - продолжала она умоляющим голосом. - Уж, кажется, я на что вас любила, все, кажется, для вас... Вы говорите, отца мне слушаться, Виктор Александрыч. Да как же мне отца-то слушаться..?

- А что? (Он произнес эти слова как бы из желудка, лежа на спине и подложив руки под голову.)

- Да как же, Виктор Александрыч, вы сами знаете...

Она умолкла. Виктор поиграл стальной цепочкой своих часов.

- Ты, Акулина, девка неглупая, - заговорил он наконец, - потому вздору не говори. Я твоего же добра желаю, понимаешь ты меня? Конечно, ты не глупа, не совсем мужичка, так сказать; и твоя мать тоже не всегда мужичкой была. Все же ты без образования, - стало быть, должна слушаться, когда тебе говорят.

- Да страшно, Виктор Александрыч.

- И-и, какой вздор, моя любезная: в чем нашла страх! Что это у тебя, - прибавил он, подвинувшись к ней, - цветы?

- Цветы, - уныло отвечала Акулина. - Это я полевой рябинки нарвала, - продолжала она, несколько оживившись, - это для телят хорошо. А это вот череда - против золотухи. Вот поглядите-ка, какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот незабудки, а вот маткина-душка... А вот это я для вас, - прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, - хотите?

Виктор лениво протянул руку, взял, небрежно понюхал цветы и начал вертеть их в пальцах, с задумчивой важностью посматривая вверх. Акулина глядела на него. В ее грустном взоре было столько нежной преданности, благоговейной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смела плакать, и прощалась с ним, и любовалась им в последний раз; а он лежал, развываясь, как султан, и с великодушным терпением и снисходительностью сносил ее обожанье. Я, признаюсь, с негодованьем рассматривал его красное лицо, на котором сквозь притворно презрительное равнодушие проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбие. Акулина была так хороша в это мгновение; вся душа ее доверчиво, страстно раскрывалась перед ним, тянулась и ластилась к нему, а он... Он уронил васильки на траву, достал из бокового кармана пальто круглое стеклышко в бронзовой оправе и принялся втискивать его в глаз; но, как он ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носом - стеклышко все вываливалось и падало ему в руку.

- Что это? - спросила наконец изумленная Акулина.

- Лорнет, - отвечал он с важностью.

- Для чего?

- А чтоб лучше видеть.

- Покажите-ка.

Виктор поморщился, но дал ей стеклышко.

- Не разбей, смотри.

- Небось, не разобью. (Она робко поднесла его к глазу.) Я ничего не вижу, - невинно проговорила она.

- Да ты глаз-то, глаз-то зажмурь, - возразил он голосом недовольного наставника. (Она зажмурила глаз, перед которым держала стеклышко.) Да не тот, не тот, глупая! Другой! - воскликнул Виктор и, не дав ей исправить свою ошибку, отнял у ней лорнет.

Акулина покраснела, чуть-чуть засмеялась и отвернулась.

- Видно, нам не годится, - промолвила она.

- Еще бы!

Бедняжка помолчала и глубоко вздохнула.

- Ах, Виктор Александрыч, как это будет нам быть без вас! - сказала она вдруг.

Виктор вытер лорнет полой и положил его обратно в карман.

- Да, да, - заговорил он наконец, - тебе сначала будет тяжело, точно. (Он снисходительно потрепал ее по плечу; она тихонько достала со своего плеча его руку и робко ее поцеловала.) Ну, да, да, ты точно, девка добрая, - продолжал он, самодовольно улыбувшись, - но что же делать? Ты сама посуди! Нам с барином нельзя же здесь оставаться; теперь скоро зима, а в деревне - зимой - ты сама знаешь, просто скверность. То ли дело в Петербурге! Там просто такие чудеса, каких ты, глупая, и во сне себе представить не можешь. Дома какие, улицы, а общество, образование - просто удивленье! (Акулина слушала его с пожирающим вниманием, слегка раскрыв губы, как ребенок.) Впрочем, - прибавил он, заворочавшись на земле, - к чему я тебе это все говорю? Ведь ты этого понять не можешь.

- Отчего же, Виктор Александрыч? Я поняла; я все поняла.

- Вишь какая!

Акулина потупилась.

- Прежде вы со мной не так говаривали, - проговорила, она не поднимая глаз.

- Прежде? Прежде! Вишь ты! Прежде... - заметил он, как бы негодуя.

Они оба помолчали.

- Однако мне пора идти, - проговорил Виктор и уже оперся было на локоть.
- Подождите еще немножко, - умоляющим голосом произнесла Акулина.
- Чего ждать? Ведь уж я простился с тобой.
- Подождите, - повторила Акулина.

Виктор опять улегся и принялся посвистывать. Акулина все не спускала с него глаз. Я мог заметить, что она понемногу приходила в волнение: ее губы подергивало, бледные ее щеки слабо заалелись...

- Виктор Александрыч, - заговорила она наконец прерывающимся голосом, - вам грешно, вам грешно, Виктор Александрыч, ей-Богу!

- Что, грешно? - спросил он, нахмутив брови, и слегка приподнял и повернул к ней голову.

- Грешно, Виктор Александрыч. Хоть бы доброе словечко мне сказали на прощанье; хоть бы словечко мне сказали, горемычной сиротинушке...

- Да что я тебе скажу?

- Я не знаю; вы это лучше знаете, Виктор Александрыч. Вот вы едете, и хоть бы словечко... Чем я заслужила?

- Какая же ты странная! Что ж я могу?

- Хоть бы словечко...

- Ну, зарядила одно и то же, - промолвил он с досадой и встал.

- Не сердитесь, Виктор Александрыч, - поспешно прибавила она, едва сдерживая слезы.

- Я не сержусь, а только ты глупа. Чего ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу! Ну, так чего ж ты хочешь? Чего? Он уткнулся лицом, как бы ожидая ответа, и растопырил пальцы.

- Я ничего... ничего не хочу, - отвечала она, заикаясь и едва осмеливаясь простирять к нему трепещущие руки, - а так хоть бы словечко, на прощанье... - И слезы полились у ней ручьем.

- Ну, так и есть, пошла плакать, - хладнокровно промолвил Виктор, надвигая сзади картуз на глаза.

- Я ничего не хочу, - продолжала она, всхлипывая и закрыв лицо обеими руками, - но каково же мне теперь в семье, каково же мне? И что же со мной будет, что станет со мной, горемычной? За немилую выдадут сиротиночку... Бедная моя головушка!

- Припевай, припевай, - вполголоса пробормотал Виктор, переминаясь на месте.

- А он хоть бы словечко, хоть бы одно! Дескать, Акулина, дескать, я... - Внезапные, надрывающие грудь рыдания не дали ей докончить речи, она повалилась лицом на траву и горько заплакала. Все ее тело судорожно волновалось, затылок так и поднимался у ней. Долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком. Виктор постоял над нею, постоял, пожал плечами, повернулся и ушел большими шагами.

Прошло несколько мгновений. Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотела было бежать за ним, но ноги у ней подкосились - она упала на колени. Я не выдержал и бросился к ней; но едва успела она взглянуть на меня, как откуда-то взялись силы - она с слабым криком поднялась и исчезла за деревьями, оставив разбросанные цветы на земле. Я постоял, поднял пучок васильков и вышел из рощи в поле. Солнце стояло низко на бледно-ясном небе, лучи его тоже как будто поблекли и похолодели: они не сияли, они разливались ровным, почти водянистым светом. До вечера оставалось не более получаса, а заря едва-едва зажигалась. Порывистый ветер быстро мчался мне навстречу через желтое, высушенное жнивье; торопливо вздымаясь перед ним, стремились мимо, через дорогу, вдоль опушки, маленькие, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стеною в поле, вся дрожала и сверкала мелким сверканьем, четко, но не ярко; на красноватой траве, на былинках, на соломинках - всюду блестели и волновались бесчисленные нити осенних паутинок. Я остановился. Мне стало грустно; сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и резко рассекая воздух крылами, пролетел осторожный ворон, повернул голову, посмотрел на меня сбоку, взмыл и, отрывисто каркая, скрылся за лесом; большое стадо голубей резво пронеслось с гумна и, внезапно закружившись столбом, хлопотливо расселось по полю - признак осени! Кто-то проехал за обнаженным холмом, громко стуча пустой телегой...

Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, и васильки ее, давно увядшие, до сих пор хранятся у меня...

И.С. ТУРГЕНЕВ.

Спокойствие - сильнее эмоций, Равнодушие - страшнее войны.

Одиночество

Очерк.

Знаменитый писатель Иван Алексеевич Бунин как-то оказался в богатой усадьбе, которую хозяева покинули в силу роковых обстоятельств. Он бродил по ее залам, любовался ее великолепием. «И всюду глядели на меня бюсты, статуи, портреты, - пишет он в своих воспоминаниях. - Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавцы в мундирах, в камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами». А потом Иван Алексеевич спустился в фамильный склеп, который находился под церковью. «Я опустил в непроглядную темноту склепа, озаря огоньком воскового огарка громадные железные светильники и шершавое золото мозаик по сводам, - рассказывает Иван Алексеевич. - Холодом преисподней веяло от этих гробов. Неужели и впрямь они здесь, те красавицы с лазоревыми очами, что царствуют в покоях дворца? Нет, мысль моя не мирилась с этим». И с гнетущим чувством одиночества И.А. Бунин покинул усадьбу, размышляя о том, как все преходяще и переменчиво в жизни. На смену радости неожиданно приходит горе, а жизнь неумолимо обрывается смертью. И он вспомнил слова великого писателя Л.Н. Толстого, который однажды ему сказал: «Счастья нет в жизни, есть зарницы его - цените их, живите ими». Лев Николаевич знал, о чем говорил. В свое время он пережил трагедию одиночества, о которой рассказывает в дневнике: «Развратная жизнь офицера надоела. Жить дальше нет смысла. Я решил покончить с собой. Но я остался один на один с таинственной книгой Библией, и она мне спасла жизнь...».

Люди часто говорят: где Бог? Мир - как сирота. В холоде, одиночестве, порой такой жестокий, мучительный мир лежит вокруг нас. Где же Бог? Бог среди нас, как пишет выдающийся богослов, известный во всем мире архипастырь и проповедник Евангелия митрополит Сурожский Антоний. Смотри, христианин стоит, в его глазах свет вечной жизни, в его словах - чистота и правда, в его действиях - любовь, причем какая! Христова любовь, та любовь, которую нам, как никому, заповедал Христос, чтобы мы любили друг друга, чтобы и жизнь друг за друга готовы были отдать. А отдать жизнь вовсе не значит умирать, это значит жить. И порой жить труднее, чем умереть. Порой легче мгновенно перейти от этого жития в иное, а жить из года в год свидетелями Божьей любви, свидетелями того, что любовь крепче ненависти, что вечная жизнь сильнее смерти, что ничто не может нас отделить от любви Христовой - так жить нелегко. Нелегко жить, когда тебя окружает безразличие, нелегко жить, когда окружает ненависть, отчуждение, нелегко жить, когда в тебя глубоко внедрилась болезнь. А надо жить, чтобы остались у Господа живые, торжествующие, ликующие свидетели того, что любовь побеждает все, что любовь загорелась в наших сердцах, что она просветила наши умы таким пониманием жизни и людей, и взаимных отношений, какого нет ни у кого другого.

Одинокие путники

Люди по природе своей одиноки. И чем дальше человек живет, тем мучительнее ощущает свое одиночество. Одиночество - это страх и ужас, от которых стремится убежать человеческая душа. Ни власть, ни богатство не защищают от одиночества. И герой романа известного писателя Маркеса «Осень патриарха», обладая огромной властью, чувствует себя самым одиноким человеком на земле: «Он умер, когда стал догадываться, что люди не живут, а существуют... Он знал с самого начала, что его обманывают в первую очередь те, кто ему угождает, знал, что за лесть берут чистоганом. Он знал и приучил себя жить с этой ложью, с этой унижительной данью славы, ибо в течение своих прожитых лет не раз убеждался, что ложь удобней сомнений, полезнее любви, долговечнее правды». И в другом своем известном романе «Сто лет одиночества» Маркес пишет о несчастной семье Буэндия: «Они не способны любить - в этом секрет их одиночества, их несчастья...»

В молодости моим любимым писателем был Эрнест Хемингуэй, благодаря своему таланту получивший мировое признание. За выдающиеся достижения в литературном творчестве ему была присуждена Нобелевская премия. Это был мужественный, жизнерадостный человек, который написал хорошие книги. Его любили, к нему тянулись люди, у него было много друзей. Но я с содроганием в душе думаю о том, как Хемингуэй завершил свою земную жизнь.

То лето стало последним счастливым периодом в жизни Хемингуэя перед постигшей его трагедией. В день своего шестидесятилетия он собрал большое количество гостей. Знаменитый писатель решил отдать последний долг всему тому, что десятилетия наполняло его жизнь. Хемингуэй общался, танцевал, ходил по дому с бутылкой шампанского в одной руке и ружьем

в другой. И развлекал гостей тем, что вышибал пулей сигареты, зажатые в зубах друзей. Потом он скажет, что это был лучший праздник в его жизни.

Но вскоре нагрянули болезни. Писатель чувствовал себя все хуже. Одному из друзей он с горечью скажет: «Что нужно человеку в жизни? Иметь здоровье, много работать, выпивать и закусывать с друзьями. Любить женщин. Но я теперь абсолютно лишен всего этого». Хемингуэй чувствовал, что за полнотой жизни проглядывает пугающая пустота. Все больше одолевало одиночество, навалилась депрессия. Смириться с такой жизнью он не мог. Ранним воскресным утром писатель взял любимое ружье, в каждый ствол загнал по патрону и поставил прикладом вниз. Плотной обхватил ртом холодную сталь и спустил оба курка. Так страшно Хемингуэй покончил с жизнью и отдался соблазну смерти.

Эта трагедия произошла в отсутствии Бога. Знаменитый писатель, прославивший в своих произведениях любовь, добро, сострадание, убил себя. Нарушил шестую заповедь Закона Божия: «Не убий». Господь запрещает отнятие жизни у самого себя, потому что жизнь является величайшим даром Божиим. В самоубийстве, которое исключает возможность покаяния, заключается тяжкий грех отчаяния, ропота против Бога, дерзкое восстание против промысла Божия. А промысл Божий - это непрестанное действие всемогущества, премудрости и благости Отца Небесного. Да, вера сопряжена с непрестанной борьбой с силами зла, которые ввергают человека в одиночество, печаль, отчаяние. Но Бог дает силы верующему выстоять в трудной борьбе.

А без веры человек оказывается один на один с одиночеством. И не выдерживает страшной пустоты в своей душе. Как случилось это с другим выдающимся писателем Джеком Лондоном. К тридцати годам он стал широко известен, а в сорок к нему пришла настоящая литературная слава. Будучи постоянно окружен людьми, он страдал от одиночества и приступов безысходной тоски. Он задумал построить огромный «Дом волка», мечтая создать своего рода общественно-культурный центр. И вкладывает в это предприятие всего себя, но почти готовый дом сгорел. Лондон пытается найти радость в любви к женщине и не находит. Неудачи, разочарования повергают его в еще большее одиночество. И сорокалетний писатель отправился в путь, из которого нет возврата...

Жизнь показывает, что преодоление чувства одиночества собственными силами, без Бога, чревато печальными последствиями. Известный философ Фридрих Ницше в свое время провозгласил «смерть Бога». Он утверждал, что для счастливой жизни на земле человеку необходимо быть «сверхчеловеком», неким мифическим идеалом. Но к концу жизни Ницше почувствовал себя самым одиноким и несчастным человеком на земле и его постигло психическое расстройство. Эту беду медики объясняют одиночеством и отчаянием, которые философ не мог преодолеть. Испытывая невероятные душевные муки, Ницше с болью сказал: «Если действительно есть живой Бог, то я самый жалкий из всех людей».

Великий доктор был светом в лесу

«Как описать свои чувства в тот момент, когда доставляют такого беднягу. На сотни километров я единственный, кто может помочь ему здесь. Я не говорю о том, что могу уберечь его от смерти. Умереть когда-нибудь должен каждый из нас. Но то, что в моей власти снять мучительные и продолжительные боли, ощущаю я как великую и всегда новую для меня милость. Боль более могущественный господин, чем смерть...»

Операция окончена. В темном помещении спального барака я наблюдаю за пробуждением пациента. Вот он медленно приходит в сознание, удивленно оглядывается вокруг, повторяя снова и снова: «Больше не болит, больше не болит». Его рука отыскивает мою и сжимает ее. Тогда я начинаю ему и сидящим рядом рассказывать, что это Господь Иисус Христос послал доктора сюда, на берега реки Огове... Сквозь листву кофейного дерева в темную хижину пробивается свет африканского солнца. И вот мы - черный и белый - сидим друг подле друга и переживаем истинность слов: «Все вы братья». Эту запись Альберт Швейцер сделал через год после того, как он с женой прибыл в Габон, одну из дальних провинций экваториальной Африки. Он начинал новое дело, к которому готовился долгие годы.

Ученый, писатель, музыкант, он успешно выступал с органными концертами в лучших залах Европы. Перед ним открывалась широкая дорога к славе, успеху, богатству, а он резко изменил течение своей жизни и отправился в африканские девственные леса. В самые гиблые места, где свирепствовали страшные болезни. «Я оставил преподавание в Страсбургском университете, игру на органе и литературную работу, чтобы поехать врачом в Африку, - пишет в своей книге Альберт Швейцер. - Как я к этому пришел?» Ответ им был получен давно. Еще студентом Швейцер дал себе клятву: до тридцати лет учиться, творить - одновременно в науках

и искусстве, а затем посвятить себя христианскому служению людям. И он не отступил от своего слова.

Жизнь в африканских лесах оказалась еще ужаснее, чем он предполагал: нищета, болезни, голод, люди умирали от родов, сонной болезни. Во влажном тропическом климате свирепствовали инфекционные болезни. От Швейцера требовалось большое терпение и самообладание. Он был в чужой стране, среди чужих людей, которые жили по совершенно незнакомым ему, европейцу, обычаям. В их отношениях преобладали необузданные инстинкты, темные страсти. И к появлению Швейцера африканцы отнеслись очень настороженно. Он понимал, что в любой момент с ним может случиться самое непредвиденное. Его могли даже убить. И глухими ночами Швейцер чувствовал, как в его душу закрадывается одиночество, начинала одолевать тоска, мучили сомнения. О своем тогдашнем состоянии он писал: «Я проверял себя, спрашивал, смогу ли я жить без науки, искусства, интеллектуального окружения. И всегда в конце моих размышлений я находил в себе ответ - радостное «Да!». Почему? Да потому, что можно прожить без науки, искусства, но без Бога прожить нельзя». Великий доктор знал, что это Бог призвал его в эти изнурительно тяжелые африканские места для спасения душ человеческих. И для Швейцера было «великим счастьем служить Богу там, где более всего мы Ему нужны». И в африканской гибельной глухомани он был не один. С ним был великий, всемогущий, любящий Господь Бог.

Шестьдесят лет Швейцер жил и работал в Габоне, в небольшом поселке Ламборене, название которого благодаря великому доктору стало известно во всем мире. Он основал и своими руками построил больницу, единственную в тех местах. Великий доктор лечил не только телесные недуги, но и помогал преодолевать губительную печаль одиночества и приводил людей к Богу.

Христианский подвиг Альберта Швейцера вызвал большой отклик в мире. Его наградили Нобелевской премией. «Наше христианство превратится в ложь и позор, если оно не будет искупать грехов, которые творятся в мире, - говорил Альберт Швейцер. - Если за каждого насильника не придет помогающий от имени Иисуса Христа, за каждого грабителя - дающий, за каждого проклинающего - благословляющий». И габонец, который был старейшим помощником Швейцера, скажет о нем: «Великий доктор был для нас светом в лесу». Тем светом, о котором говорил Иисус Христос: «Вы свет мира... И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». И свою свечу Альберт Швейцер зажег от Бога, и Господь помог ему пронести ее через всю жизнь.

Подвиг монахини

Монахиня Тереза перевязывала раны на теле старика, а он смотрел на нее и плакал.

- Нет, вы не человек, - сказал он.

- Почему? - спросила монахиня.

- Меня бросили родные и близкие. Я умирал от голода и болезней на свалке. В ранах на моем теле уже завелись черви. Смерть была рядом. А тут явились вы, привезли сюда, обмыли, накормили, а теперь лечите меня. Зачем вы это делаете?

- Во имя Господа Иисуса Христа.

- Кто он?

- Бог. Он принес на землю веру, надежду, любовь, Христос спасает людей от гибели. А чтобы человеку спастись, надо покаяться в своих грехах.

- Но зачем Богу возиться с такими отбросами общества, как я?

- Каждого человека Господь создал по образу и подобию своему. Вложив в его сердце любовь, добро, милосердие. Но многие люди отступили от Бога и совершают грехи, творят зло. Но Христос готов простить каждого, кто принесет чистосердечное покаяние в своих грехах и исправит свою жизнь.

Какое-то время старик лежал с закрытыми глазами. Потом посмотрел на монахиню Терезу долгим взглядом.

- Это великий Бог, - сказал он. - А вы великий человек. Я таких людей не встречал.

Такие признания мать Тереза слышала от сотен людей, которым она открыла Бога любви и надежды. За четырнадцать лет работы руководителем христианской миссии помощи бедным «Миссия любви» мать Тереза вместе с монахинями подобрала более двадцати одной тысячи человек, умирающих на улицах и свалках. Она подолгу просиживала у постелей больных, выслушивала их горестные исповеди и рассказывала им о Христе Спасителе, заповедавшем людям: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

И эту заповедь Христа монахиня Тереза мужественно воплощала в жизнь. Ей было очень тяжело, она вела подвижническую жизнь, подрывающую силы. Но она всегда и везде была присутствием Христовым, не искала утешения, а утешала. Каждый день у нее начинался с молитвы: «Господь! Дай мне силы утешать, а не быть утешаемой, понимать, а не быть понятой, любить, а не быть любимой. Ибо, когда отдаем, получаем мы. И, прощая, обретаем себе прощение». Никто никогда не видел, чтобы она жаловалась и впадала в ропот. Она никого не обличала и не задабривала. Мать Тереза мужественно входила во мрак земного бытия со свечой любви, которую зажгла от Бога. И Господь давал силы этой хрупкой женщине поднимать тысячи грешников и нести их, как крест, с их одиночеством, болью, отчаянием. Монахиня шла туда, где люди пребывали на таких мрачных низинах своей жизни, что дальше уже некуда, находились в такой пропасти одиночества, отчаяния, горя, что и представить трудно. Мать Тереза шла туда, где не было света, не было правды, куда Богу не было доступа. Где люди потеряли свой человеческий облик, где царили преступность, насилие, жестокость. И в этой бездне греха властвовал диавол, который держал в неволе грешников. Там могли убить и замучить любого, кто посягал на власть сатаны. Но монахиня Тереза не боялась бесовских сил, потому что она была защищена молитвой и верой. Ее праведная жизнь была недосыгаема для диавола. И погрязшие в пороках, во всем разочаровавшиеся грешники видели, что на земле, где столько неправды, есть хрупкая женщина, живущая правдой Христа Спасителя, что в мире, где так часто торжествует ложь, есть монахиня Тереза, всем своим бытием провозглашающая истину о Боге и истину о человеке, которого Отец Небесный создал по образу и подобию Своему.

О христианском подвиге монахини Терезы узнали во всем мире. К ней ехали со всех концов света, чтобы получить духовную поддержку. Мать Терезу наградили Нобелевской премией. Когда она приехала в американскую столицу, с ней пожелали встретиться многие известные люди. Тележурналист тогда спросил у одного политика, зачем тому понадобилось встречаться с матерью Терезой? И политик ответил: «Хочу посмотреть на человека, который видел Бога». Многие люди, общавшиеся с монахиней, отмечали, что у нее были глаза, которые видели Бога, в них сияло нечто небесное.

Когда мать Тереза умерла, бывший правитель одного из европейских государств, который много раз встречался с монахиней, сказал: «В мире меньше стало любви». Правитель знал, что говорил, он много видел и пережил в своей жизни, восторг и горечь власти полной мерой запечатлелись на его уставшем лице и в его печальных глазах. И, может быть, он прикоснулся к духовной тайне монахини Терезы, которая вошла в Святилище Божие и выслушала, что сказал Господь. И открывшаяся в ней жизнь Иисуса Христа открылась через нее в сердцах людей, которым она возвещала Царство Божие.

Господи, спаси и помоги

«Душа человека в смятении, пока не успокоится в Боге», - говорил один из величайших отцов Церкви Христовой Августин. И перед Христом Спасителем склонились величайшие умы всех народов. И знаменитые люди, открывшие свои сердца для встречи с Иисусом Христом, оказали сильнейшее влияние на ход истории, совершили гениальные открытия. Великое и прекрасное в литературе, живописи, музыке было создано верующими людьми. Среди писателей-христиан - Достоевский, Гоголь, Гейне, Гете, Сковорода, Державин, Некрасов, Жуковский. Лучшее в художественном творчестве принадлежит верующим художникам: «Троица» Рублева, «Явление Христа народу» Иванова, «Христос в пустыне» Крамского, «Воскресение Христа» Врубеля. Духовная классическая музыка была создана композиторами Глинкой, Рахманиновым, Бахом, Бетховеном, Бортнянским, которые исповедовали в своих сердцах Христа Спасителя. «Я верю, что нет никого более прекрасного, более заботливого, более мудрого, более совершенного, чем Иисус Христос. Я говорю себе с ревностной любовью - нет и не может быть подобного Ему», - писал Ф.М. Достоевский.

Многие наши современники стали верующими людьми. И идут по дороге, по которой за двадцать веков христианской истории уже прошли миллионы людей, уверовавших в Христа Спасителя: императоры и крестьяне, полководцы и рабочие, великие гении и скромные труженики. Известная певица Лайма Вайкуле говорит: «Был период, когда я сильно болела. И у меня спросили: «Какую книгу тебе принести почитать?» Я ответила: «Библию». Говорят, что мы рождаемся и умираем в одиночестве. А умирать легче, когда веришь. Именно после болезни я стала такой, какая есть. Я не представляю, что могла раньше думать иначе, воспринимать иначе жизнь. Теперь стараюсь прощать людям все. Важнее душа».

Популярная киноактриса Ольга Гобзева стала монахиней.

Доктор технических наук, профессор, руководитель крупного научно-исследовательского института В.В. Черная, приняв монашеский постриг, стала настоятельницей монастыря.

Поэт Евгений Евтушенко пишет: «В час, когда в душе моей ни зги, всякий раз твержу одну молитву: «Господи, спаси и помоги».

Народная артистка России Екатерина Васильева в одном из своих интервью говорит: «Я меняла свою жизнь с невероятной скоростью, делала такие сногшибательные зигзаги. И когда уже пришла к вере, то поразила Божией милости. Я не должна была дожить до этого времени. Скольких своих друзей схоронила, которые жили так же, как я. Они погибли. Кто спился, кто с собой покончил. Поэтому я всегда буду неустанно и неусыпно благодарить Бога за то, что он дал мне возможность исправления и покаяния. Все, что я сделала в своей жизни до крещения, все было абсолютно неправильно. Я жила впотьмах...»

Всемирно известный кинорежиссер Андрей Тарковский, снявший фильмы «Андрей Рублев», «Зеркало», «Ностальгия», прошел сложный духовный путь. В своих кинокартинах он рассказывал о трагическом мироощущении человека, который, преодолевая одиночество, боль, отчаяние, ищет спасительную истину, без которой жизнь теряет смысл. О своих духовных поисках Андрей Тарковский писал в дневнике: «Боже! Чувствую приближение Твое, чувствую руку Твою на затылке моем, потому что хочу видеть Твой мир, каким Ты его создал, а людей Твоих, какими Ты стараешься сделать их. Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше. Принимаю все Твое, только тяжесть грехов моих, темноты души моей не дают мне быть достойным рабом Твоим, Господи. Помоги, Господи, и прости».

Святитель Тихон Задонский говорил, что в Царство Божие не идут от победы к победе, а большей частью от поражения к поражению. Но те доходят, которые после каждого поражения, вместо того, чтобы сесть и оплакивать его, встают и идут дальше. Подвиг веры именно в этом и заключается: никогда не сесть оплакивать. Плакать можно по дороге, плакать можно на пути, плакать можно, когда дойдешь до цели - падешь на колени перед Спасителем и скажешь: «Прости, Господи! На всю Твою любовь я ответил цепью измен. Но все-таки я пришел к Тебе, не к кому-то другому».

Сайт «Свете Тихий», г.Луганск.

Иван Морозов.

*Если книгу дружно хвалят, то, возможно, она неплоха.
Если книга прошла не замеченой, значит, она никуда не годится.
Если почти все книгу ругают, - это великая книга. (Н.Векшин)*

Пока мы живы...

Пока мы живы, можно все исправить...
Все осознать, раскаяться... Простить.
Врагам не мстить, любимым не лукавить,
Друзей, что оттолкнули, возратить...
Пока мы живы, можно оглянуться...
Увидеть путь, с которого сошли.
От страшных снов очнувшись, оттолкнуться
От пропасти, к которой подошли.
Пока мы живы... Многие ль сумели
Остановить любимых, что ушли?
Мы их простить при жизни не успели,
А попросить прощенья, - Не смогли.
Когда они уходят в тишину,
Туда, откуда точно нет возврата,

Порой хватает несколько минут
Понять - о Боже, как мы виноваты...
И фото - черно-белое кино.
Усталые глаза - знакомым взглядом.
Они уже простили нас давно
За то, что слишком редко были рядом,
За не звонки, не встречи, не тепло.
Не лица перед нами, просто тени...
А сколько было сказано не то,
И не о том, и фразами не теми.
Тугая боль - вины последний штрих -
Скребет, изводит холодом по коже.
За всё, что мы не сделали для них,
Они прощают. Мы себя - не можем.....

Эдуард Асадов.

НОВАТОРСТВО ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА В ЖАНРЕ СОНЕТА

К концу XVI века сонет стал ведущим жанром в английской поэзии. Его вершина и важнейшая веха в истории мировой литературы - творчество Шекспира-поэта, представленное сборником сонетов. Книга создана, по всей вероятности, в 1593-1600 гг. и опубликована в 1609 году (единственное прижизненное издание с посвящением, которое и по сей день продолжает оставаться одной из самых больших шекспировских загадок).

Сборник обнаруживает итальянское влияние петраркизма, однако условность жанра сведена Шекспиром до минимума.

Английский сонет имеет иную форму, названную шекспировской. Ее схема такова: **abab cdcd efef gg**.

Как и в классическом итальянском сонете, каждое стихотворение посвящено одной теме. Большой частью, Шекспир следует такой схеме развития мысли: первый катрен определяет тему произведения, второй - содержит ее развитие, третий - ведет к развязке, последние две строки в афористичной лаконичной форме подводят итог. Иногда это итог всего сказанного в сонете, иногда наоборот - резкое противопоставление ко всему, о чем говорилось ранее.

Сонеты Вильяма Шекспира можно назвать своеобразным лирическим дневником - с зачеркиванием отдельных слов и пропусками в записях. Тема сонетов достаточно разнообразна. Это произведения, посвященные теме поэзии, философским размышлениям, теме дружбы и любви.

Сборник содержит личные, биографические мотивы. Все 154 сонета скрепляет единый стержень - система персонажей, объединяющая лирического героя, его друга и даму. Таким образом Шекспир впервые вводит в сонет классический любовный треугольник.

Исследователи разделяют сборник на две группы. Первая из них - о друге, возможно, о таинственном W.H., которому автор адресовал свое посвящение. Именно к «прекрасному юноше» обращено большинство сонетов (с 1 по 126 из 154). Первые 17 стихотворений посвящены одной теме - пожеланию прекрасному молодому человеку продолжить себя в потомстве, не забыть, сколь скоротечны земная жизнь и красота. Эти сонеты представляют собой своеобразное введение в книгу, которое было написано по заказу и, возможно, еще до того, как возникли личные отношения между поэтом и другом.

Переломным является 18-й сонет, считающийся одним из лучших в сборнике. Он открывается петраркистским приемом метафорического уподобления:

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.

Поэт впервые сокращает почтительную дистанцию настолько, чтобы сказать молодому другу о собственном чувстве к нему и одновременно пообещать ему иной вид бессмертия, чем тот, о котором шла речь в первых 17 сонетах:

И смертная тебя не скроет тень -
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Отношение поэта к другу исполнено восхищения, самой искренней любви, но, говоря о ней, Шекспир все же сохраняет некоторую дистанцию, то ли необходимую для сохранения его чувства, близкого к поклонению, то ли диктуемую социальным различием, если принять гипотезу, что адресатом сонетов был юный аристократ. В то же время поэт исполнен внутреннего достоинства, тем более что поэзия не только берет от любви вдохновение, но и способна дать ей вечность:

Ни мрамору, ни злату саркофага Не в грязном камне, выщербленном влагой,
Могучих сил не пережить стихов. Блистать ты будешь, но в рассказе строф.

Однако любовь поэта омрачена мучительной ревностью. Утрата любви для него настоящее горе, тяжкое страдание. Драматизм ситуации усиливает характерный для жанра сонета прием антитезы:

Уж если ты разлюбишь, - так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре,
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удары из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливим утром - утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею,
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больше.

Что нет невзгод, а есть одна беда -
Твоей любви лишиться навсегда.

Его друг непостоянен не только в сердечной привязанности, но и в поэтических пристрастиях. Шекспир, сравнивая себя с поэтом-соперником, которому отдал предпочтение друг, подчеркивает его громогласность, величественность и свою сравнительно с ним скромность:

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумаю, какой певец
Тебя прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив наконец.

Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, -
Дерзнул я появиться на волне.

Вторая часть сборника (сонеты со 127 по 154) посвящены Смуглой леди. Вероятно, точнее было бы перевести английский эпитет возлюбленной dark как «темноволосая». Это стало настоящим вызовом петраркистской традиции с ее идеалом ангельски белокурой донны. Поэт не просто утверждает новый тип физической красоты, но и саму красоту ставит в иной ряд смысловых ассоциаций. Образ белокурой красавицы (англ. fair) включает множество нравственных совершенств. В эпитете, обозначающем темный цвет волос, такая ассоциация оборачивается противоположностью, а сама любовь низводится с небес на землю. Сонет 130, в котором поэт демонстративно опровергает штампы петраркизма, отличается мастерством правдивого лирического портрета:

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного цвета на челе.
Не знаю я, как шествую богини,
Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Не свойственный предшествующей традиции образ возлюбленной рисуют эпитеты: сравненья пышные, фиалки нежный лепесток, черной проволокой вьется прядь. На любовь поэта дама отвечает равнодушием, ее сердце склоняется к другу. Изображено соперничество лирического героя с ним. После изнурительной внутренней борьбы оно заканчивается победой дружбы в душе лирического героя:

Мешать соединенью двух сердец
 Я не намерен. Может ли измена
 Любви безмерной положить конец?
 Любовь не знает убыли и тлена.
 Любовь - над бурей поднятый маяк,
 Не меркнувший во мраке и тумане.
 Любовь - звезда, которою моряк
 Определяет путь свой в океане.

Любовь - не кукла жалкая в руках
 У времени, стирающего розы
 На пламенных устах и на щеках,
 И не страшны ей времени угрозы.
 А если я не прав и лжет мой стих, -
 То нет любви и нет стихов моих!

Глубину чувств лирического героя в данном сонете раскрывает анафора, повторяющаяся в каждом катрене: любовь не знает убыли и тлена, любовь - над бурей поднятый маяк, любовь - маяк, любовь - не кукла жалкая в руках; многочисленные эпитеты: любовь безмерная, кукла жалкая, пламенные уста, метафоры: соединенье двух сердец, лжет мой стих.

Среди сонетов сборника Вильяма Шекспира есть такие, в которые выражены важнейшие общественные идеи. Следует отметить 66 сонет, в котором представлены философские размышления о сущности человека, о смысле жизни на земле, о вечном.

Стихотворение раскрывает противоречия эпохи Возрождения: с одной стороны - страстная любовь к жизни и любованию действительностью, а с другой - жестокие и несправедливые законы и порядки. Данный сонет - гневное обличение общества, мира, в котором торжествует зло, кажущееся ему непреодолимым. Зло во всем: в фальши, в отсутствии порядочности, в унижении добродетелей, в глумлении над честью, в измене, в том, что искусство подчинено власти. Неимоверная эмоциональность сонета достигается с помощью уже неоднократно упоминаемого художественного средства - анафоры.

Подведя итоги исследования особенностей поэтического творчества Вильяма Шекспира, можно сделать заключение об очевидности новаторского подхода поэта к сонету как жанру литературы.

Эволюционирует форма данного вида поэтического произведения. Три катрена представляют драматическое развитие темы, а заключительный дистих становится афоризмом, формулирующим ее философскую мысль.

Новаторство Шекспира - абсолютно иной образ прекрасной дамы, введение в сонет системы персонажей, оси произведения, классического любовного треугольника.

Неоспоримый факт - тематическое разнообразие сонетов, новое решение в них вопроса любви и дружбы, психологические наблюдения и философские размышления, что дает право считать произведения Вильяма Шекспира поэтическим шедевром.

Ирина Бабич. Россия.

Пронеслись облака из Эдема -
 Элефанты, колибри, орлы.
 В небесах зацвела хризантема,
 Гиацинты, как иней, белы...
 Чтоб утешить среди непогоды,
 Как мираж, как Божественный Лик,
 Как предзимнее буйство природы -
 Это счастья нежданного миг!
 Будет буря, деревья застонут,
 Дождь холодную землю зальёт,
 В чёрном зареве звёзды утонут...
 А потом соловей запоёт!

Н.П. Гребенюкова.
 Хабаровск.

Источник проблем - в человеке.
 В природе проблем просто нет.
 Проблемы придумали греки
 В пылу философских бесед.
 Проблема - сиречь столкновенье
 Различных желаний и чувств -
 По сути бы длилась мгновенье,
 Когда б не влиянье искусств.
 Искусства раздули проблемы
 В огромный вселенский костёр,
 И жарят проблемные темы
 Мозги человечьи с тех пор.

В. Румянцев.
 Россия.

*Писать - это особый способ разговаривать:
 говоришь, и тебя не перебивают. (Жюль Ренар)*

ВСТРЕЧА С РОДНОЙ СТОРОНОЙ

Сяду-ка я в карету наёмную.
Мыслей во мне – сума неуёмная.
И покачу вековой колеёю
Встречи искать с родной стороною.

Двигаться будет неспешно карета
Степью курганной пшеничного лета,
Стёклами окон дрожа по ухабам,
”На удивление каменным бабам“.

Льды и снега не страшны ей, морозы.
Я ей колёса сменю на полозья.
Звёзды сияют в ночи леденцами.
Катит, качаясь, звеня бубенцами.

Так повелось, непременно весною,
Радуясь, встречусь с родной стороною.
Миг возвращения – дело всей жизни.
И поклонюсь до земли я Отчизне.

ДЕРЕВНЯ

Ах, деревня – русская отрада.
Избы, как одна, с землёй срослись.
Опустела после продотряда...
А над полем для души отрада:
Осень журавлей уносит в высь.
Даль до горизонта синевую
Расплескалась крыльями Судьбы.
И тоска, печатю над стороною,
Накрест заколоченной избы.

Дорога сквозь рощу, кусты по краям.
Вода дождевая блестит в колеях.
Вода отражает небесную синь,
С дрожащими листьями
Дорога, сужаясь, выходит к поляне.
Поляна украшена чашей фонтана.
Фонтан с белокаменной в центре наядой
У входа в усадьбу, с колонн анфилады.
Из окон усадьбы под брызги фонтана
Волшебные звуки лились фортепьяно.
Я слушал, не смея войти, у порога...
Вода дождевая... Сквозь рощу дорога.

КРАСА-ЛЕБЕДУШКА

Краса-лебедушка, коса по пояс.
Светловолосая, в солнца свете.
Под стук колёс неспешно поезд
Везёт домой меня на рассвете.
Краса-лебедушка в рубашке белой,
В лучах рассветных у колодца.
Я у окна, чуть оробевший,
Слежу за ней и сердце бьётся.

Вот дом усадьбы. Всё так знакомо.
Дымок над кухней струится змейкой.
Воркуют голуби на крыше дома,
Клюют по зёрнышку у скамейки.

Тропинка сада в парах тумана.
Росой алмазной рассвет усыпан.
И запах осени сладко-пряный
Пьянит плодами на ветках сыто.

В конце тропинки стоит беседка,
В кустах орешника затаилась.
Читала книгу в ней соседка...
Краса-лебедушка мне часто снилась.

А за беседкой вид просторный:
Луг заливной, река изгибом.
И рдеет лес на горизонте
Зари вечерней лучей под нимбом.

Краса-лебедушка, коса по пояс,
Светловолосая, в солнца свете.
Под стук колёс неспешно поезд
Везёт домой меня на рассвете.

Жизнь хороша

Проснуться, радуясь, лучам зари.
В сенях хлебнуть кваску хмельного.
Подумать вслух: ”Ах, что не говори,
Жизнь хороша.“ Запрячь коня гнедого,

В пролётку и по колее,
Усыпанной перловой росой,
Проехать пару вёрст и в тишине
Залюбоваться юной красотой

Икрастных девок, вышедших дожать,
Намедни скошенное поле.
Чуть-чуть смутясь, рукою помахать
Красавице с косой ржаною.

В ответ услышать беззаботный смех.
Домой вернуться и воскликнув: ”Эх!“
День посвятить земным заботам.

История с Авдеевым

Очерк.

В.Н. Авдеев.

Лучшие вещи Валерия Авдеева можно будет читать и через сто лет. Как принято в таких случаях говорить, *у него в запасе вечность*. Туда он вошел с живыми людьми - своими литературными героями...

Я люблю рассказы «Два одиночества», «При своем деле». Признаю его мастерство стихосложения. Тридцать два года назад, приехав к Зинаиде Лихачевой, детской писательнице, я начал смотреть на Сынтул как на творческую мастерскую. Любая березка на окрестных холмах - натурщица. Каждый прохожий на улице - словно вышел только что из книг или публикаций местных талантов. Трио мастеров - обладавшая даром делать прозу прозрачной Лихачева, ясно чувствующий себя на природе, написавший стихотворение-шедевр «Вешние воды» Борис Шишаев и как бы еще не развернувшийся в полную мощь Валерий Авдеев - работали здесь в одно и то же время.

Лихачева умерла в начале 90-х. О смерти Авдеева его друг, поэт Евгений Артамонов, рассказывал: «Валера поехал по озеру нарубить жердей для хозяйства. Он последнее время жил у престарелой матери. Ни его, ни его лодку не могли найти несколько дней». Прощание устроили в церкви. Речь над гробом произнес одноклассник, который сидел с Валерием за одной партой, отец Сергей.

Мы с Авдеевым ни разу в жизни не поговорили, хотя и виделись. Не пришлось с ним выпивать. А трезвого я его ни разу не встретил.

В Сынтуле вспомнилось удивительное. Тридцать два года подряд я слышал одно и то же: мол, талант у Авдеева был, а теперь пропит. Слышал - даже когда вышли из печати десять замечательных его рассказов, несколько хороших оригинальных стихотворений. И все же до смерти говорили и говорили: у Авдеева уже все в прошлом. Очень удивила - об этом говорил отец Сергей - детская кличка Седой. Слово Валера уже был мудрым стариком в детстве...

Переимчивость его была сродни пушкинской. Но Пушкин брал иногда темы, жанры, мотивы у Шекспира и Байрона, Авдеев - у друзей-рязанцев. Например, Евгений Маркин писал балладу «Рязанские грибы», Авдеев - как последователь земляка - «Русский погреб». Валерий откликался также на другие вещи земляков. Но писал - свое. И это относится и к стихам, и к прозе.

Авдеев-прозаик проще и смелее, чем кто-либо из рязанцев. Вот фраза о воздухе при выпавшем первом снеге: «Люди еще во сне дышали этим животворным наркотом и просыпались бодрые, с ясным ощущением предстоящей радости». А вот - о тальнике: «Прутья его становились гибкими, эластичными». Слова эти «наркот», «эластичные» - точные для него самого, сына отменного сынтульского врача Николая Ивановича Авдеева.

В двух шагах от дома была отцовская больница - с режимом, четкими предписаниями, пациентами, городскими, а одновременно и многовековыми культурными обычаями. А прямо под домом - древнее гигантское озеро. Многодетной семье не хватало зарплаты отца, жили с подворья, с того, что возьмут у природы.

«Для кого мерцают листья, хвощи, светлячки и сладко булькает вода? Сознают ли они, что им внимают едущие в лодке усталые люди, которым от этого необъяснимо хорошо? Вряд ли... Мы удалимся - продолжится то же самое, теперь, может быть, к радости ночного рыбака», - писал Авдеев в рассказе о поездке с отцом за дровами.

Сила и смелость Валерия Николаевича Авдеева - в изображении лично поразившего его в детстве. Он об этом написать мог только сам. Ведь знал это, сокровенное, один он. Кто из его знакомых литераторов мог без прикрас, коротко и просто изобразить собственного отца? Того отца, который после смерти первой жены «сильно мучился, пробовал запить, но вовремя спохватился - на руках было трое детей. Трудовая лямка спасла его. Года через два он женился снова. И один за другим у него появились еще пятеро, в том числе и я».

Отцу посвящены два рассказа из тех десяти. Все они опубликованы в коллективном сборнике в 1984 году. Детали почти в каждом абзаце изумляют. Женщина в рассказе «Как резали поросенка» передвигала в русской печи махотки и чугуны, «ловя на свое немолодое лицо багровые отсветы из огнедышащего зева». А вот портрет из рассказа «При своем деле»: «Это

был громадного роста деревенский парень, с продолговатым, как огурец, лицом и большим кадыком на жилистой шее».

Все 80-е годы по Рязани ходила молва: рассказы Валерия Авдеева с ходу берут столичные еженедельники и «толстые» журналы. Вслед за такими публикациями в то время открывались двери лучших издательств. А дальше - дорога к всесоюзной славе. Если, конечно, ты, уловив удачу, идущую в руки, станешь работать много и носить, и носить рукописи москвичам. Увы, Авдеев мало носил их. И, думаю, не одно пьянство виной тому.

Он, повторяю, писал о сокровенном. Он наделял им и героев. Взять хотя бы мальчиков из рассказов «Встречный ветерок» и «Красный сарафан». Первый мечтал прокатиться на мотоцикле, второй - играть на скрипке. Оба получили желаемое. И оба в конце концов уничтожили предмет своей мечты. Первого мальчика лишил собранного из рухляди своими руками мотоцикла Винт-хам, владевший документами на эту рухлядь. Второго мальчик думал: «И так всегда: сначала ничего не получается, потом - медленно - что-то начинает выходить и наконец вещь отшлифована и закреплена... А потом? Опять все сначала, с азов... Неинтересно». Раз дело уже сделано, то его и на свете нет - правило для пренебрегающих своей работой. И в конце рассказа «Красный сарафан» «Сережа бросается к дивану, приподнимает его, сует скрипку под ножку и резко шлепается на сиденье... Кррык! - хрупнуло лаковое дерево, будто бы лопнул ведьмин череп...

- Сергей, что там у тебя? Ты опять замолчал, - слышится голос матери.

Ей никто не отвечает. В комнате пусто. В раскрытые створки окна свободно влетает ветер...» После напечатания десяти изумительных рассказов отдельная книга прозы у Авдеева так и не появилась. О сокровенном, конечно, можно писать нечасто, слишком много нужно сил. В стихах Авдеев, по-моему, - обычный рязанский поэт. «До деревни - верст пятнадцать...», «Иван-да-марья», «Увожу в деревню сына», «Протопленная печка...» - эти названия, как, впрочем, и темы встречаются у нас в области у очень и очень многих. В 80-е годы ходила молва: стихи Авдеева, в отличие от прозы, в Москве принимают далеко не всегда на «ура». Но зато в Рязани его славили поэты как поэта! Его взяли в бюро пропаганды художественной литературы при областной писательской организации - он отправлял группы литераторов на заводы и в колхозы-совхозы, к гостеприимным хозяйственникам. И сам ездил. Платные эти выступления давали какой-никакой, но достаток.

А как же книги? В 1988 году вышел сборник его стихов «Родня», где в аннотации о 38-летнем человеке сказано: «Молодого поэта привлекает сельский быт». Что ж, рязанцам издаваться было нелегко - очередь Авдеева подошла поздно. Год спустя его приняли в Союз писателей СССР. А потом в России начался бум книгоиздания. За двенадцать лет на район области в среднем пришлось не менее сорока книг местных авторов. О Рязани и говорить нечего - тут, наверное, издавших книги литераторов больше, чем читателей. И за все это время Авдеев выпустил только крошечный сборничек «Трилистник». В коллективных сборниках, правда, его никогда братья-литераторы печатать не забывали. Писал он иногда стихи лучше, чем раньше. Получал престижные российские и стран ближнего зарубежья премии.

Незадолго до смерти писателя Борис Шишаев мне рассказывал: «Валера захандрил. Несколько лет назад его мать собрала ему деньги на книгу, отдала в издательство. А он там, кажется, и не появился». Пренебрежения к сделанному тобой, к огромному таланту у Авдеева было немало. «Причина смерти не установлена», - сказала женщина у церкви, глядя в бумагу из морга. Все перед смертью у человека - как он жил. У каждого человека. На могиле плакала Катя Сафонова. Тяжело выглядели другие, совсем сгорбился Шишаев... А по Сынтулу мчались, сбегая к озеру от жары, люди в автомашинах, в поселке пустовали улицы - на солнцепеке и пять минут выдержать было трудно. А в доме находившейся не в себе матери - как в конце рассказа «Красный сарафан»: «Ей сын не отвечает. В комнате пусто. В раскрытые створки окна свободно влетает ветер».

Как жил Авдеев, так и писал. И это сделало его героев неустаревающими. Правда - бес- смертна. Общество могло забыть его как человека. Оно - тоже не без слабостей, как и он. Но то, что им создано, - талантливо. От Бога.

У нас на Рязанщине могут теперь знать: Авдеев - один из лучших писателей России. Талант его редкой красоты. На автора заботу о даре Божьем, национальном достоянии, обществу уже не переложить. У Авдеева - в запасе вечность.

Юр. ЕВСТИФЕЕВ. Россия.

ОСЕНЬ ПРИШЛА

- рассказывает о родном городе
автор «Жемчужины» Евгений Кульба.

Осень Благовещенска. Как рассказать словами? Не передать всех красок и чувств. Лили холодные дожди и жители потеряли уже надежду на бабье лето. И вдруг - с утра яркое солнце, птицы перепутали осень с весной - и с утра до вечера их щебет в скверах и парках радует детвору и взрослых. Городские голуби пригревшись у фонтанов с неохотой выпрашивают у отдыхающих корм, словно их не ждёт холодная зима и тепло подаренное природой вечно.

На берегу Амура продолжается строительство набережной, с зонами отдыха и дорожками для прогулок. То, что построено, мне кажется, лучше чем в Хабаровске и

Владивостоке, - у них хорошо, а у нас лучше. Строители решают задачи не только по защите города от наводнений но и вопросы красоты и удобства отдыха для горожан и гостей Благовещенска. Грандиозность строительства оценили и соседи на другом берегу: в Китае - на противоположном берегу - по ряду причин пока такую набережную позволить себе не могут.

Что ещё радует, в одном из микрорайонов города администрация выделила место под строительство Храма; пока произведены предварительные работы по отведению земли и разметке. Это очень хорошо, ведь всё больше и больше молодых людей приходят на службы. Хорошо, что власти города с пониманием относятся к просьбам церкви, а значит и к прихожанам, жителям города.

Радует мёд. В этом году должен быть знатный; погода была хорошая, должны проводить ярмарки мёда; да и в специализированных магазинах его хватает на любой вкус - и липовый, и таёжный, и цветочный, и ещё много названий. Горожане привыкли к такому изобию, а вот туристов из Китая такое изобилие приводит в восторг: они, распробовав, покупают мёд разных сортов, их лица светятся от предвкушения радости, которую доставят родственникам и детям такими гостинцами...

Ещё немного, и осень заиграет всеми красками умирающего золота листьев; но это не огорчает - через год будет повторение прекрасной Амурской осени... Только я приступил к съёмке, набегали тучи и стал моросить дождь, а с утра было солнышко; пока тучи набегали я успел сделать несколько фотографий, и только добрался до дома, пошёл ливень...

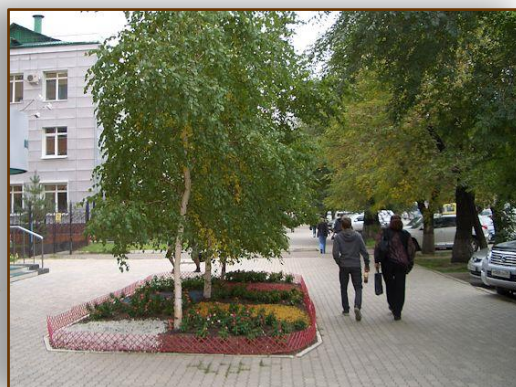
Осень пришла - и белки в центре города, в сквере у Дома народного творчества смело выпрашивают корм. Осень пришла - и рябина рядом с универмагом горит осенним костром; птицы не ждут когда подморозит и спешат собрать урожай: наверное зима будет холодной. Осень пришла - и постепенно меняются наряды деревьев; она словно решает, каким скверам побыть в летних нарядах, а каким пора сменить на осенние. Осень пришла - и в сквере лавочки, рядом с памятником народному артисту Валерию Приёмыхову, пусты. Кто-то задержится на минутку - посмотреть на умирающую красоту осени, и продолжит свой торопливый шаг. Осень...

Фотографии автора. **Евгений Кульба.**

Поэт боялся рифм глагольных
Не меньше, чем идей крамольных.
А утром посмотрел на вид,
А за окошком снег лежит,
Ель зеленеет, лес чернеет
И речка подо льдом блестит.

С.В. Филиппов.

От Редакции:

С выходом в свет журнала № 68 - “Жемчужина” отмечает своё 17-летие. Много интересного случилось за эти годы. В связи с юбилеем хочется хотя бы вскользь затронуть некоторые темы, исключительно важные для журнала.

Каждый, кто знаком с издательской работой, знает, что крест редактора - один из тяжких. Тем более, когда издание русского литературного журнала происходит в условиях иностранной среды.

Как и прежде, в “Жемчужину” поступает масса материала. И главная задача в этом деле - тщательный отбор материала. Поэтому уместно напомнить: основные принципы журнала остаются неизменными, - то есть, верность Православию, любовь к России и её многовековой истории и культуре, уважение к другим народам. При условии, что работы совпадают с направлением журнала, «Жемчужина», как и прежде, принимает работу авторов ЛЮБОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, ЛЮБОЙ СТРАНЫ, пишущих на РУССКОМ ЯЗЫКЕ. Не “р-язычном” или “р-говорящем”. И, тем более, не на таком, где отдельная личность, пользуясь свободой выбора и правом неверия, забывая об элементарном уважении, дерзает сокращать слово БОГ - пропускает «о» и заменяет его на тире.

Даже среди начинающих авторов есть немало одарённых. Но участь редактора - это не только радость, когда обнаруживается самородок. Это также прогулка в современном поле русско- и “проче-язычного” творчества, где встречается всякое. Как говорится, «Много званных, мало избранных», или “Пишущих много, писателей мало». Не всё, что прорастает на нашей грешной земле, попадает в букет полевых цветов. Иной раз, глянув на очередное «творево», хочется откровенно спросить «А что есть сие? И зачем оно надо?» Хотя без юмора тоже не обходится: как-то милый паренёк лет 18-и прислал свежеиспечённый опус и простодушно заявил: - «Люблю писать страшилки. Очень хочу стать писателем. Неважно, хоть плохим... лишь бы только писателем!».

Нельзя также не упомянуть - слава Богу, редкие! - опусы из вульгарной «бытовухи»... неважно, из каких стран ветер заносит гнилой дух подземелья. Речь идёт не драконовской цензуре, хотя в иных случаях она бывает оправданной. Нет. Русские классики писали ОБО ВСЁМ, даже о самой неприглядной стороне жизни. Но КАК писали - вот в этом весь секрет. Опять же, отношение автора к выбранной теме, его внутренняя культура, благородство, врождённое чувство меры, такта - всё это *нечто* такое... или оно есть, или его нет.

Особо хочется сказать о многострадальном русском языке. Всё чаще встречаются тексты, где не найти “живого” русского слова, настолько бывают засорены англицизмами, или, как сейчас называют в сети, «ненормативной лексикой»... Говорить что-либо отдельным авторам, тем более, исправлять “бессмертные” опусы, по-меньшей мере, бесполезно. А посему, Жемчужина отдаёт предпочтение той работе, где русский язык верен традиции русской классики.

Приводить примеры слов-паразитов можно до бесконечности. Не хочется засорять ими страницы журнала, где и без того мало места. Но всё же о нескольких словечках нужно сказать. Это и совершенно дикое, не к месту “супер”; и чуть что - “позитив/негатив”; или этот нелепый “адекват”. А то ещё: стоит заглянуть в сеть, чтобы увидеть, как эмоции иных «зашкаливают» от умиления над котёнком, поросёнком и пр. Огорчает, что подобные словечки употребляют люди, толком не знающие ни английского языка, ни, увы, своего, русского и которые, как видно, не подозревают, что зашкаливать могут только измерительные приборы. А недавно в русской передаче “Время” (у нас - TV SBS) диктор, обсуждая чьи-то переговоры, заявил, что событие было «результативным». Как видно, «запамятовал сердцеШный», что ещё недавно говорили - «дало/принесло хорошие/плохие результаты»...

С «её величеством» Грамматикой дело обстоит тоже довольно печально: помимо прочих погрешностей, многие, по какой-то им одним ведомой причине, игнорируют правило пресловутого глагола «Писать» во 2-м лице множ. ч., напрочь отменяя тот факт, что глагол этот принадлежит к **1 спряжению**. Так, желая выразить одобрение другу/автору, сообщают:

«Сан Саныч, Вы хорошо пишете», НО вместо «Е» во втором слогe упорно ставят «и». Это же только повелительное наклонение требует написания «И» - «Дорогая, пишИте мне чаще!»

Наконец несколько слов о радостном - о лит.-сайте «Жемчужное Слово». Кроме обычных, общих встреч на сайте, с некоторых пор в литературном круже появился новый уровень общения - по Скайпу.

Само по себе заочное лит.-общение не ново. Всегда были авторы, которые не решались сразу выходить на суд читателей в сети и, тем более, появляться на «бумажных» страницах журнала, так как силы ещё не окрепли, смелости не хватало, и потому просили до поры, до времени не открывать их имена, а только взглянуть на текст - и прослушать его «вживую».

Разница только в том, что в течение многих лет местные австралийско-русские авторы (дай Бог им здоровья и вдохновения!) проделывали всё это по-телефону - то есть, читали, обсуждали свои творения, и ещё - частенько ПЕЛИ.

И всё это прекрасно. Но, если учесть, что именно в такие минуты творческого порыва - ни на секунду раньше, не позже - кому-то в доме срочно требуется телефон, или подошло время обеда, или ещё что... мало ли! а злополучный редактор, уставясь в темноту трубки, вынужден внимательно слушать, не имея возможности ни на минуту оторваться...

В общем, на арену вышел «его величество» Скайп! Так же, как электронная переписка, он совершенно стёр географические границы, позволяя свободно общаться с авторами из самых отдалённых уголков мира. И вот тут началась новая жизнь!

Общение на Скайпе само по себе интересно! Но сказать, что для начинающих авторов это удивительно подходящий вариант, значит, ничего не сказать. Именно после этого у них появляются и смелость, и вдохновение, и множество новых идей, всего не перечислить... Ведь каждому, даже самому что ни на есть застенчивому автору хочется найти своего читателя, а теперь и слушателя/зрителя, - и «вживую» прочесть свои стихи, или спеть... Вот только договариваться о «встрече» приходится заранее, ведь все мы находимся в разных уголках мира, с разным часовым поясом.

Отмечая 17-летие «Жемчужины», напоминаем, что журнал давно начал переходить в электронную форму (PDF), и теперь всё больше рассылается именно в этом формате. Происходит это не только из-за скорости сообщения по Интернету, но и потому, что австралийская почта постоянно дорожает, а журналы, отправленные в Россию, как это случалось не раз, теряются. Пропадают. С концом. Приходилось отправлять снова и снова. Но... сколько же можно нести подобные расходы одному человеку! Поэтому бесплатные номера теперь отправляются только в библиотеки, или же по предварительной оплате.

В заключение, «Жемчужина» выражает авторам - и «маститым», и не только - сердечную благодарность за бескорыстный, благородный, зачастую одинокий и кропотливый труд, и желает всем светлого творческого вдохновения и заслуженного успеха у благодарных читателей. Для начинающих авторов - самое большое пожелание: никогда не сдаваться, верить в себя и продолжать упорно работать над словом - так, как это делали русские классики.

ред. Т.М.

Письма читателей

12-09-2016 Здравствуйте, дорогая Тамара Николаевна! Журнал как и всегда, замечательный! И на этот раз он получился почти чисто литературный. Причём, такой по содержанию и авторскому коллективу, что в России, например, ему, я уверен, позавидовали бы и посчитали бы за честь напечататься в нём многие и другие литераторы, Порадовались за Вас и может. даже позавидовали бы и издатели.... Спасибо Вам! Спасибо! С глубоким уважением и признательностью, **Владимир Колабухин**

13 -9-2016 Здравствуйте, уважаемая, дорогая Тамара! Сразу говорю Вам огромное спасибо за новый номер журнала!

Ваш журнал и так - прекрасен, но даже на фоне Ваших других замечательных номеров - этот, 67-й номер, как мне кажется, особенно - удачен. Очень сильные, замечательные стихи. Все, как на подбор. Даже не знаешь, какое из стихотворений - лучшее, все прекрасны. И "Троицкое утро" Владимира Бельковича, и "Пробиралась весна" священника Василия Мазура, и "Вселенная пропитана стихами..." В.К. Невяровича, и "Дождь барабанил по карнизу" Светланы Тишкиной, и Ваше небесное, изумительное стихотворение "Власть Музы", и... собственно, чтобы назвать те стихи, что понравились мне в номере, нужно просто перечислить все стихи и всех авторов номера. Порадовала замечательная подборка стихов Александра Лазутина, и размышления о поэзии Светланы Скорик и многое-многое другое! ...Номер очень хорош! Сильный.

Письма читателей

Талантливый. Запоминающийся! Спасибо Вам за труд! И, конечно, я рад, что и моё стихотворение есть в свежем номере "Жемчужины"! **Эдуард Ковшевский**. Россия.

13-9-2016 Дорогая Тамара Николаевна! Очень благодарна за присланный номер и за мою публикацию. Было чрезвычайно интересно ознакомиться со статьёй Юрия Евстифеева о знаменитом издателе Сытине, открыла для себя много нового.

Хорошая и публицистика, в частности, статья Ирзабекова. Приятно было встретить знакомого автора, протоиерея Василия Мазура из Херсона: он участвовал в нашем ежегодном Международном литературно-музыкальном фестивале «Звезда Рождества». Фестиваль у нас проходит с 2012-го года. Сейчас как раз начался очередной конкурсный этап, приглашаем всех авторов.

С большой симпатией, **Скорик Светлана**. Украина.

12-9-2016 Здравствуйте, Тамара. Спасибо за эл версию Жемчужины. Прочитаю с удовольствием. ...Посылку жду. Духом пока не падаю. **Андрей Маркиянов**. Россия.

12-9-2016 Спасибо, дорогая Тамара! Буду читать с интересом, как и предыдущие номера. Ваш друг **Владимир Иванов**. Россия.

12-9-2016 Thank you for a fresh issue of the magazine, Tamara! FROM incredible trepidation I read each page. The works of all authors - like a breath of fresh air! I wish you many years of your offspring and, of course, I hope for further cooperation. Sincerely, **Демьян Баритонов**. Иран.

12-9-2016 Здравствуйте, Тамара! Спасибо за публикацию, да ещё в такой хорошей компании, и за присылку журнала в pdf. Как наберётся что-то ещё, обязательно подошлю. Всего Вам Доброго! С уважением **Сергей Криворотов**. Россия.

12-9-2016 Здравствуйте, Тамара! Большое спасибо за журнал и за публикацию. С уважением, **Александр Смирнов**. Ярославль.

14-9-2016 Дорогая Тамара Николаевна!

Спасибо за очередной номер "Жемчужины". Замечательно, что продолжаете вести журнал, публикуете интересные, познавательные, добрые и полезные материалы в традиционной интеллигентно-литературной отечественной традиции... Сожалею, что не повидались в Брисбене... Еще раз благодарю Вас, с наилучшими пожеланиями,

Игорь Домнин. Б-Ф Русское Зарубежье, Москва.

27-9-2016 Дорогая Тамара! От всей души благодарю Вас за такой чудесный номер «Жемчужины» за июль 2016 года. У нас сейчас холодно и Ваши ароматные розы и роскошные пионы как иллюстрации к произведениям тепло окутали душу и разбудили ностальгию по недавно ушедшему лету. Как всегда замечательная подборка стихов и рассказов, а также мудрых высказываний!

С Богом! **Ольга Цвиркун**. Украина.

5-10-2016 Здравствуйте, Тамара. Извините ещё раз за долгое молчание... Прочёл, присланную Вами электронную версию журнала. Спасибо за опубликованное стихотворение. Содержание номера очень понравилось. С превеликим удовольствием перечитал "Малиновую воду" Тургенева, а также рассказы Чехова и Бунина. С большим интересом - о жизни издателя Ивана Сытина, Из поэзии - Расула Гамзатова - "Есть глаза у цветов" в переводе Н. Гребнева. Вспомнил два события в своей жизни по поводу публикации этого стихотворения: литературный кружок в школе, на занятиях которого, одним из первых современных поэтов учительницей русского языка был назван Расул Гамзатов и песню О.Фельцма - на слова этого стихотворения - (вокально-инструментального ансамбля) "Цветы"...

С уважением, **Геннадий Головин**. (Донбасс), США.

15-10-2016 Дорогая Тамара Николаевна! Спасибо за очередной номер "Жемчужины". Как всегда, светлые, добрые и очень сердечные публикации. Всякий раз удивляюсь, как Вам удается передать в каждом номере частицу русского сердца. Всего Вам самого доброго и новых замечательных "Жемчужин". С уважением **Татьяна Гладких**. Хабаровск.

20-10-2016 Здравствуйте, Тамара! Прочитал работы авторов 67 номера Жемчужины. Много хороших добрых и прекрасных работ. Порадовала Ваша работа - «Власть Музы» - небольшая но яркая. Она наполнена и радостью творчества, надеждой и печалью, и чем то невидимым и волнующим - наверное вдохновением... Спасибо, искренне рад. Очень понравилась работа прот. Василия Мазура «Пробиралась весна» - она, словно песня. Автору спасибо за труд и успехов в творчестве... Работа - «Не читал, но издавал» - жизнь Ивана Сытина, автор Юрий Евстифеев: замечательная. За годы своей жизни я слышал о Сытине и держал в руках книги изданные им, а вот благодаря автору узнал, как жил и работал народный просветитель; Сытин работал и жил не ради наживы, вот кому памятник можно поставить, с кого и в наше время и можно и нужно брать пример... Прекрасная работа - «Для чего нужна поэзия», автор Светлана Скорик. С автором статьи согласен полностью. Спасибо. Всем авторам желаю успехов в творчестве всего доброго и самого хорошего. С уважением. **Евгений Кульба**. Россия.

Письма читателей

*Хорошая проза подобна айсбергу, -
семь восьмых которого скрыто под водой.
Эрнест Хемингуэй.*

Приснился сон

посв. С. Тишкиной

Приснился сон... Заплакали иконы
У Царских врат священных алтарей,
В окоп войны, где дремлют терриконы,
Стекали слёзы русских матерей.

Кровавый век людской вражды и мести,
Где весть предвзята, милость нескромна,
Назло завету нашему о чести
В почёт возвел злодеев имена.

Летели в синь молитвы нашей звуки
Сквозь темень необъявленной войны.
И в знаке крестном дружеские руки
Покоя были будто лишены.

Всё зло веков окутало планету,
Ложь проникала в гордые сердца,
Не избежал никто неволю эту,
Не молвил правды светлого словца.

Ужасен сон... В нем было мало света,
Но в этой тьме блеснул надежды луч...
Сиял он словом русского поэта
У террикона, в гуще низких туч.

01.09.2016 Александр Лазутин.
Сайт «Свете Тихий»

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОСЕНЬ

Приближается осень...
Приближается тризна...
Вдохновенье приносит...
Увяданий харизма...
Как сужается время
И сжимается горло!
Перезревшее семя...
Тучи-вестники в черном!
Но и в осени грустной
Есть просветы отрады,
Чудной прелести русской
Средь огней листопада.
Среди сизых туманов,
Колготы голубиной,
Уходящих обманов
И тоски журавлиной.
Приближается осень -
Время чувств и прощаний.
Снова муза приносит
Звуки песни печали.
И в мотиве щемящем,
Как святые иконы:
Сны любви настоящей
И её похороны!

В.К. Невярович.
24.08. 2016 Россия.

Письмо к знакомой

Посвящается Т. М.

Я пишу теперь Вам -
за границу.
В Ваши
чужестранные края.
И, конечно, должен повиниться,
что молчал
так долго-долго я.

Не волнуйтесь, милая!
Не надо.
По аллее вековых берёз
не свезли пока что за ограду
моё тело
в яму
на погост.

Может, пригожусь ещё
России?
Раз уж помереть
пока
не смог.
От себя
оставлю Ей
стихи я,
несколько удачных, нежных строк.

И страна любимая,
быть может,
и вспомнит о моей любви.
Если ж нет...
Тогда...
Помилуй, Боже!
Сам тогда поэта
помяни!

Может, там,
в Твоём
краю ином,
отдохну за всё я
в полной мере.
Как бродяга, что вернулся в дом,
где жил в детстве...
Хочется так верить!

Ну, а здесь...
бездомный я босяк,
среди порядков новых –
неприкаян.
Странно
называть себя мне так:
«русско я язычный россиянин»...

.....
.....

Снова тройку-Русь
кнутом
вожди
гонят по камням, да по оврагам.
И не зги не видно впереди!
Впрочем, о политике –
не надо...

Утомил и так
своим письмом,
искренность
совсем
не в моде ныне.
Вас спросить
хочу лишь об одном:
«Как Вам там живётся –
на чужбине?»

А меня...
за исповедь –
простите.
За порыв мой искренний,
душевный.
Долго Вы и счастливо
живите...

Ваш знакомый –
Эдуард Ковшевный.
21. 09. 2016 г.

Эдуард Ковшевный. Россия.

Не очень краткий, но искренний комментарий автора к стихотворению.

...Первое, что бросится в глаза при чтении этого письма-стихотворения каждому грамотному, любящему поэзию человеку, - это то, что оно, может быть, немного похоже на стихотворение Сергея Александровича Есенина - «Письмо к женщине» - и общим, неуловимым впечатлением, и некоторыми частностями, начиная от фразы «Не надо...», поставленной в конце строки, и заканчивая подписью под письмом - «Знакомый Ваш...»

Отчасти так получилось непреднамеренно, отчасти - я так написал специально. И сделал так из-за великой своей любви к Сергею Александровичу Есенину, и потому, что это стихотворение нужно было написать именно так, а не иначе. Да не кинут за это в меня камень те, для кого тоже - стихи Сергея Александровича - это больше, чем поэзия, для кого это уже неотъемлемая часть и собственной души, жизни, любви к России. **Э.К.**

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.

Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ВТОРАЯ

Часть пятая

III

Дмитрицкий давно не был на родине, в славном Путивле, где некогда на городских забралах горько плакала Ярославна, молилась ветру, чтоб он вздул паруса милого друга Игоря Всеволодовича на обратный путь из стран половецких; молилась Днепру, чтоб он взлелеял на себе насады (корабли) его, молилась тресветлому солнцу, чтоб оно не палило в безводном поле жаждою дружину храброго князя.

Но этой ограды Путивля, с которой Ярославна встречала взорами своего милого князя, давно уже и следа нет. И тут, как и везде, давно русские терема и светлицы стали щебнем, а жизнь черноземом - до материка не дороешься.

Тетка Дмитрицкого, Дарья Ивановна, была замужем за мелким чиновником, который волею Божиею помре, оставив ей и дочери Наташеньке в наследие маленький домик. С этого домика Дарья Ивановна получала около трехсот рублей, а иногда и поболее дохода. Наташенька, в коленкоровом платьице, была миленькая девочка. Курс учения ее был не велик. Имея хорошие от природы способности, она выучилась, можно сказать, сама читать и писать, выучилась шить платьица, корсеты и юбочки, вязать и штопать чулки, выучилась завивать себе на ночь волосы, а поутру расчесывать и разглаживать по щеке, распускать локонами, заплетать косу, свертывать ее жгутом и затыкать гребнем, следуя моде, то на макушке, то на затылке; выучилась учтиво приседать и смотреть умильно глазками на молодых людей - этому выучила ее природа; выучилась смотреть скромно и равнодушно на пожилых, - и этому выучила ее природа. Сверх всего этого она переняла у одной подруги играть на гитаре и петь целых три романса: двух соловьев да, кажется, канареечку.

Покуда домик Дарьи Ивановны не требовал починки, крыша не текла, стены и балки не подгнили, до тех пор Дарья Ивановна и думать не думала ни о чем; приход с расходами был верен.

- Чего ж более, слава тебе, Господи, - говорила она всему городу (потому что со всем городом была знакома), - ни в чем не нуждаюсь.

Злые языки длинны, никак не обойдутся без того, чтоб не сосчитать, что в чужом кармане, не перевернуть чужого приходу с расходом, не вывести сомнений: возможно ли прожить целый год в довольствии тремястами рублями, - ну, положим, хоть и тремястами пятьюдесятью? и не заключить: уж, конечно, что регистратор Фирс Игнатьич живет лет восемь в деревянном домишке Дарьи Ивановны не даром...

- Уж, конечно, не даром: платит за квартиру триста рублей в год.

- Нет, уж вот даром! Триста рублей платит за развалины; мы свой мезонин отдали бы за двести. Я и намекала: плохонек дом-то Дарьи Ивановны; чай, у вас и сквозит и протекает, Фирс Игнатьич? - «Да, немножко, Палагея Ивановна». - «Что ж это вы не подумаете нанять другую квартиру: ведь вы можете ревматизм получить, у вас здоровье такое хилое». - «Место удобно, близко от судебных мест, да и привычка!» - «Знаю, батюшка, знаю, подумала я сама себе: кошки привыкают к месту, а люди к людям: живмя живешь на другой половине, которая покрепче!»

Эти толки не доходили до Дарьи Ивановны; Фирс Игнатьич привык к своей квартире, где подчас было и холодненько; а Дарья Ивановна привыкла к древности дома своего; привыкла и к постояльцу - все-таки мужчина в доме, да и притом же такой добрый, угодливый, что ни попроси, все сделает: совершенно уже как свой человек. Как ни привык, однако ж, Фирс Игнатьич к течи, но, верно, кто-нибудь стал сбивать его с толку. После одной бури, которая чуть-чуть не разнесла по бревну дом Дарьи Ивановны, Фирс Игнатьич пришел к ней и говорит:

- Дарья Ивановна, уж извините, а мне приходится нанять другую квартиру.

- Что такое, Фирс Игнатьич? Что так вам моя не понравилась? Жили-жили столько лет да вдруг расхотелось; нет, Фирс Игнатьич, это грех!

- Да помилуйте, течет так, что места не найдешь, где присесть и прилечь.

- Да потерпите, Фирс Игнатьич, все исправлю; что делать, напишу в полк племяннику; совестно, а попрошу у него; вот и Наташа подросла, авось найдется жених, выдам замуж, уступлю вам эту половину - эта крепенькая, - сама перейду на вашу.

- За эту-то половину вы потребуете прибавки, чай.

- Нет, ни копейки не набавлю; для вас за ту же цену, только не сходите с квартиры.

- Да, ведь, Бог знает, когда еще это будет.

- Ах, батюшко, да нет ли у вас в суде женишка? Вот письмоводитель-то, что к вам ходит, кажется порядочный человек.

- Славный человек!

- Ведь вы с ним приятель: что бы вам повести словом, привести бы его к нам...

- Хм! - произнес, улыбнувшись, Фирс Игнатьич.

- Чему вы усмехнулись?

- Сам он просил, чтоб я познакомил его с вами.

- Зачем же дело стало?

- Да я думал, вам еще не понравится, что молодой человек ухаживает за Натальей Павловной; состояния же он не имеет...

- И! лишь бы был дельный человек. Наживет!

- Я, пожалуй, - сказал Фирс Игнатьич, и в тот же день ввечеру привел с собой Андрея Павловича Илиадина.

Наташенька была вне себя от радости, потупляла глаза в землю и все краснела. Андрей Павлович также, что ни слово к ней, то вспыхнет. Дарья Ивановна заметила, что что-нибудь да уж есть между молодыми людьми, и сначала рада была, что дело скоро может сладиться; а потом задумалась. «Господи, да что ж я буду делать одна-одинехонька, без Наташи? Домишка развалится, где я буду жить, чем я буду жить? Отдам я за бедного, а сама ступай по миру! А еще и сама из веку не выжила: сорока еще нет; кроме куска хлеба, нужно и платице и чепчик порядочный, салопчик, и мало ли что...»

Дарья Ивановна совершенно раздумала выдавать дочь за бедняка, когда Андрей Павлович явился с предложением, уверенный, что отказа не будет, потому что Фирс Игнатьич намекнул, что он нравится и самой Дарье Ивановне.

- Благодарю, Андрей Павлович, за честь, которую вы мне делаете; но вот обстоятельство: вы бедны, да и у дочери моей нет ничего, - отвечала она.

- Дарья Ивановна! - сказал Андрей Павлович, - я не требую ничего, кроме руки Натальи Павловны. Осчастливьте меня! С нас двух жалованья моего достаточно будет.

- Андрей Павлович, - отвечала Дарья Ивановна, - положим, и так, да я должна подумать и о себе: я в дочь положила все; хоть у ней нет приданого, а зато всему выучила ее, она и поет у меня, и хозяйка на редкость - рукодельница, надо же, чтоб за материнское попечение она обеспечила старость мою...

- Неужели вы думаете, что мы вас оставим?

- Кто говорит; да у вас-то что ж есть, чтоб меня прилично содержать? А мне ведь еще с добрыми людьми жить: и к себе прими: и в люди поди. Нет, Андрей Павлович, уж, верно, этому не быть.

- Дарья Ивановна! - повторил Андрей Павлович, - осчастливьте!

- И рада бы... человек вы прекрасный, парочка дочери моей, да, верно, Богу не угодно. Дело другое, если б я сама была пристроена - замужем - и горюшка бы мало. Еще вас бы наградила. А то... домишка провалится и весь доход мой с ним. Фирс Игнатьич и то грозитесь уж съезжать. Как съедет - что я буду делать? - Дарья Ивановна прослезилась. - Я привыкла к нему, как к родному! - прибавила она и зарыдала. - Обо мне муж так не заботился, как он...

- Он не съедет, ей-богу, не съедет! - сказал Андрей Павлович в утешение Дарье Ивановне, - он так привык к вам...

- А вы почему знаете?

- Да это видно, Дарья Ивановна.

- Что ж он говорил про меня?

- Он говорит, что вы такая прекрасная хозяйка, каких он сроду не видал.

- Неужели? Голубчик мой! Какой он добрый, не правда ли?

- Необыкновенный человек.

- Необыкновенный человек! Восемь лет стоит у меня, хоть бы поморщился! Смирный, учтивый, Господи Боже мой! Ведь знаю я мужчин; и муж у меня был человек хороший, да все не то... Восемь лет под одной кровлей живем, Андрей Павлович; что-нибудь да значит! И не к такому человеку привыкнешь! - Дарья Ивановна снова прослезилась.

- И он как привык к вам, Дарья Ивановна!

- Да что ж, все это не прочно!... ведь он не муж мне - сегодня у меня, а завтра взял да и переехал: а я-то что тогда?... умру с горя, да и только!

- Да я уверен, Дарья Ивановна, что он ни за что не оставит вас, - сказал Андрей Павлович.

- А вы порука за него?

- Поручитесь, да и берите Наташу. А без того не могу, ей-ей не могу! Кому-нибудь и со мной надо остаться. Это теперь общее наше дело, а потому-то я и говорю вам откровенно. О, да будь Фирс Игнатъич муж мой, какая бы и для вас-то выгода, как бы я вас-то пристроила: у меня дом, у него есть капиталец, - домик-то поправили бы. Здесь сами, а другую-то половину вам с Наташей - живите себе да поживайте.

У письмоводителя сердце ёкнуло, взор просветлел. «В самом деле, - подумал он, - это прекрасно!»

- Так Наташенька моя, Дарья Ивановна, если я устрою дело?

- Только устройте, нечего и говорить...

Андрей Павлович поцеловал руку Дарьи Ивановны и побежал к Фирсу Игнатъичу, который смиренно занят был какими-то отчетами.

- Ну что, - спросил он, - говорили?

- Нет еще, Фирс Игнатъич.

- Э, какой! Чего боитесь? Дарья Ивановна такая добрая женщина.

- Как-то страшно!

- Вот еще! Что тут страшного?

- Да, вы когда-нибудь сватались?

- Я? Нет.

- То-то и есть, что о других-то как-то легко говорить, а извольте-ко о самом себе!

- Оно правда, - сказал Фирс Игнатъич, задумавшись, - испытал я это... черт знает, никак язык не поворотится... Придешь, думаешь, вот скажу, да и ни слова; а время-то уходит да уходит! Годы! Хм, я бы давно уж женат был, да смелости нет...

- А вы также влюблены в кого-нибудь, Фирс Игнатъич?

- Нет, что за влюблен; а хотелось бы судьбу пристроить: состаришься холостяком - и души не с кем будет отвести в четырех стенах.

- О чем же вы думаете, Фирс Игнатъич?

- Подумаешь, любезный!

- Вот бы вы женились на Дарье Ивановне.

Фирс Игнатъич покраснел.

- Нет, брат, - сказал он, вздохнув.

- Что же? Какая прекрасная женщина!

- Я сам думал... да нельзя: она по сю пору так любит покойного мужа, только и говорит что о нем... Что ж тут делать?

- Хм! Да я сейчас об вас говорил с ней. Она говорит, что и не видывала такого прекрасного человека, как вы, что муж у нее был хороший человек, а что уж вам и подобного нет...

- Неужели она говорила это? - спросил, вскочив со стула, Фирс Игнатъич.

- То ли еще говорила! Да что ж вы так смутились, Фирс Игнатъич?

- Как же, братец, не смутиться, - отвечал Фирс Игнатъич. - Что ж она говорила? Скажи, пожалуйста.

- Просто, она влюблена в вас.

- Полно, братец, этого быть не может!

- Ей-богу; она сказала, что если вы переедете на другую квартиру, так она умрет.

- Голубушка моя! - вскрикнул Фирс Игнатъич, употребив любимое слово Дарьи Ивановны; но ему стало стыдно молодого человека, при котором он так забылся. - Полно, брат, ты только смущаешь меня!

- Ей-богу, нет! Клянусь вам, что Дарья Ивановна без памяти от вас.

- Полно, брат, полно! Черт знает что говорит! Как это можно? Ей-богу, я рассержусь!

- Не верите, Фирс Игнатъич? Так я вам скажу, что от вас зависит и мое счастье!

- Это как?

- Так! Обещайте, что вы не будете противиться моему счастью.

- С какой стати я буду противиться? Я-то что такое?
- А вот то, что без вас я не получу руки Натальи Павловны...
- Ты, братец, Андрей Павлович, загадки говоришь. Что ж я такое? Верно, в посаженные отцы хотите меня взять.

- Да, в посаженные отцы! Посмотрели бы вы, как Дарья Ивановна плакала.
- Плакала? Да о чем же, братец?
- Она проговорила мне насчет вас...
- Да говори, любезный друг Андрей Павлович.
- Когда я сделал предложение, она заплакала и сказала: что ж со мной будет, как я отдам дочь замуж, а Фирс Игнатъич съедет с квартиры...

- Да с чего она взяла, что я съеду с квартиры?
- Поневоле съедете, как дом развалится, а чинить ей не на что.
- Никогда не съеду, ни за что! На свой счет починю, да не съеду!
- Я и уверял ее, что вы не съедете. Но она и верить не хотела. Расплакалась, да и проговорила: говорит, вы не порука мне за Фирса Игнатъича: дело другое, если б он был муж мне, тогда, говорит, я и не задумалась бы выдать за вас дочь, починила бы дом, на одной половине сами бы жили, а другую вам бы отдали.

Фирс Игнатъич ходил по комнате как помешанный; лицо его горело, глаза моргали; то тер себе подбородок левой рукой, то лоб и все лицо правой; то, запустив обе руки в хохол, приподнимал его горой, и, наконец, ни слова не говоря вышел и пропал.

«Верно, пошел к Дарье Ивановне», - подумал Андрей Павлович. Но Фирс Игнатъич ходил по саду в раздумье и проходил до полуночи.

На другой день Фирс Игнатъич прислал сказать в суд, что по болезни он не может быть у должности. Андрей Павлович побежал к нему и застал, что он продолжает ходить по-вчерашнему из угла в угол, но лицо его бледно, руки устали работать около подбородка и лба и висят как плети.

- Что с вами, Фирс Игнатъич?

Фирс Игнатъич вместо ответа провел над головой круг рукою.

Андрей Павлович испугался.

- Голова кружится? - спросил он.

Фирс Игнатъич только кивнул в знак подтверждения.

- Вам надо чего-нибудь принять; у Дарьи Ивановны есть разные домашние лекарства, я схожу к ней.

И Андрей Павлович побежал к Дарье Ивановне. Через минуту она, бледная, перепуганная, явилась со скляночками в руках.

Фирс Игнатъич вспыхнул, ноги его подкосились; он присел и взялся за голову.

- Воды, воды! - вскричала Дарья Ивановна и сама побежала в кухню за водой.

- Выпейте скорее гофманских, - сказала она, возвратясь, и начала было отсчитывать капли; но руки ее дрожали. - Не могу, руки трясутся; Андрей Павлович, налейте пятнадцать капель! Успокойтесь, голубчик, Фирс Игнатъич, это все сейчас пройдет. Отсчитали? Давайте, выпейте, голубчик, Фирс Игнатъич... Господи, благослови!

Фирс Игнатъич выпил и поцеловал ручку Дарьи Ивановны.

- Вы бы прилегли, - сказала она. - Прилягте, голубчик! Успокойтесь.

Фирс Игнатъич прилег на диване. Дарья Ивановна и Андрей Павлович сели подле него. Молчали. Через несколько минут утомленные глаза Фирса Игнатъича закрылись.

Дарья Ивановна дала знак пальцем, что теперь надо дать уснуть Фирсу Игнатъичу, и на цыпочках вышла из комнаты; Андрей Павлович вслед за ней.

- Что это с ним сделалось?

- Мне кажется, и вчерашнего дня он был нездоров; мы разговаривали об вас.

- Обо мне?

- Да. Он, Дарья Ивановна, вас очень любит, и сказал мне, что ни за что от вас с квартиры не съедет. Хотя бы, говорит, чинить дом пришлось на свой счет...

- Голубчик! Да что ж с ним сделалось вдруг?

- Да заговорили о том, что вы покойного супруга очень любите. Это, кажется, подействовало на него; он думает, что вы никого уж так любить не можете...

- Это кто ему сказал?

- Ему так кажется. Потому что как ни начнет говорить с вами о себе, вы сведете разговор на покойного супруга...

- Ах, батюшки, да как же мне его из головы выкинуть... согласитесь сами.
- Оно, конечно, да все лучше бы не упоминать.
- Право, не знаю, что может это мешать; если б я еще его не добром поминала...
- Все как-то неловко.

- Да, пожалуй. Я постараюсь ни слова не говорить с ним о покойном муже.

Несмотря на данное слово, Дарья Ивановна не могла сдержать его. От гофманских капель Фирс Игнатъич совершенно оправился.

- Она воскресила меня! - говорил он Андрею Павловичу, - не приди она, я бы умер.

Собравшись с духом и подстрекаемый Андреем Павловичем, он, наконец, решился объявить Дарье Ивановне задушевное желание сочетать судьбу свою с ее судьбою. «Теперь прекрасный случай, - думал он, - начну с благодарности за участие ко мне и за оказанную помощь, а потом и объявлю... Ну, с Богом!»

И вот Фирс Игнатъич, раздевшись и прихоловшись, отправился на половину хозяйки. Вошел и смутился, поцеловал ручку, сел и молчит. Дарья Ивановна, предчувствуя решительную минуту, также была смущена и тяжело дышала.

- Дарья Ивановна, - начал, наконец, Фирс Игнатъич, - я столько вам обязан, что уж и не знаю как благодарить.

- Помилуйте, Фирс Игнатъич, какая благодарность, вы как родной у меня, - отвечала Дарья Ивановна.

Фирс Игнатъич глубоко вздохнул.

- Если б я был так счастлив, - начал он; но на беду Дарья Ивановна чихнула.

- Желаю здравствовать!

- Покорно благодарю! Вот видите ли, что правда? Покойный мой муж необыкновенно как... Ах, дура, что это я? - прибавила про себя Дарья Ивановна, спохватившись.

- Что изволили сказать? - спросил Фирс Игнатъич.

- Ничего. Так, я вспомнила... Ах ты, Господи! - и Дарья Ивановна смутилась.

Приятная наружность Фирса Игнатъича вдруг обратилась в суровую. Это заметила Дарья Ивановна. «Ах, дура я, дура! - подумала она, - все дело испортила!»

И на глазах ее невольно выступили слезы.

Фирс Игнатъич посмотрел и вздохнул.

- Не угодно ли в пикет? - сказала Дарья Ивановна, желая отвлечь разговор от всех возможных воспоминаний.

- Если прикажете!

Но о предложении Фирс Игнатъич уже ни слова.

- Нет, брат, - сказал он на другой день Андрею Павловичу, - какое тут предложение, когда по сию пору только что вспомнит о муже, тотчас и слезы на глазах...

- Ей-ей, вы ошибаетесь!

- Нет, любезный друг!

- Ну, позвольте мне за вас объясниться с Дарьей Ивановной.

- Нет, это неловко! Спасибо, брат, у меня у самого язык есть, да дело не в том!

После усиленных просьб и убеждений Фирс Игнатъич согласился, наконец, чтоб Андрей Павлович был его сватом. Дело решилось; однако же и тут, в минуту объяснений, Дарья Ивановна дала промаху: некстати упомянула о муже и заплакала; но по простоте души тотчас же призналась, что она плачет не об нем, а с досады на себя.

Когда душа в человеке расцветает, все вокруг него начинает цвести. Домик Дарьи Ивановны как будто снова оделся цветом: крыша покрылась железным листом, стены законопатились, снаружи обились новым тесом, внутри обклеились обоями. Помолодели и Фирс Игнатъич и Дарья Ивановна, точно как будто кто обшил их новым тесом, обклеил алыми обоями - весело смотрят, как все приходит в порядок, строится по общей их мысли. О Наташеньке и Андрее Павловиче нечего и говорить. Наташенька тралла-ла, тралла-ла по комнате от радости, а Андрей Павлович то и дело: голюпчик мой, потялуй меня! Словом - День веселия настал, все утехи прилетели, птички громче все запели.

А в городе не одна уже, а все дамы говорят: «Я говорила, что Фирс Игнатъич не даром стоит на квартире у Дарьи Ивановны!»

Вот уж назначен и день свадьбы.

Вдруг почтальон приносит Дарье Ивановне повестку - письмо и двадцать тысяч.

У Дарьи Ивановны подкосились от ужаса ноги. «Господи, Боже мой, откуда такой клад?» - повторяет она, торопясь в почтовую экспедицию. Там сам почтмейстер встречает и принимает ее под руки, помощник провожает, а почтальоны почтительно кланяются.

- Изрядная сумма! Из Шклова! - сказал почтмейстер, разрезывая толстое письмо с пятью печатями и вручая ей.
- Господи, Боже мой! От кого ж это, из Шклова? «Любезная тетушка, год назад вы писали ко мне - просили прислать... Тогда у меня, ей-ей, ничего не было. Теперь очень рад служить вам». - Вася! Ах, дорогой мой Вася! - проговорила Дарья Ивановна, едва переводя дыхание.
- Верно, вам на свадьбу подарок?
- От племянника, - отвечала Дарья Ивановна.
- Наташа, Наташа! - вскричала она, прибежав домой. - Смотри-ко! Читай!
- Наташа стала читать письмо.
- Голубчик мой! - вскричала Дарья Ивановна, когда Наташенька прочла: «Вы да Наташенька - только и родных у меня!» - Кто бы подумал, что из повесы выйдет порядочный человек?
- «Наташеньке я везу жениха...» Черт с ним! - вскричала Наташенька. - Вот еще!
- Ах, да читай, Наташа, навязывать не буду!
- «Моего приятеля, графа...»
- Графа! - вскричала Дарья Ивановна, - вот тебе раз! Ах, голубчик мой! Графа... скажи пожалуйста. Вот, кто бы ожидал...
- Черт с ним, маменька, с графом! - сказала Наташенька, бросила письмо и заплакала.
- Что ты это, с ума сошла! - вскричала Дарья Ивановна, подняв письмо с полу. - «Пожалуйста, наймите богатый дом со всей роскошью, да налейте моей сестричке, будущей графине, модного платья и разных уборов. Чтоб все было на знатную ногу». Голубчик мой! Слышишь, Наташа? «На расходы посылаю двадцать тысяч...» На расходы - двадцать тысяч! «...а сам привезу все приданое, шалей, материй, драгоценных вещей...» Господи! Да он, верно, в миллионщики попал! Слышишь, Наташа, везет тебе какое приданое: шали, бральянты... Ах ты, мой отец! «Поторопитесь все устроить. Недели через две непременно буду». Через две недели! Да можно ли в две недели справиться?!
- Наташенька, вслушиваясь в слова матери, вдруг зарыдала.
- Что ты это, моя милая, воешь?
- Как же мне не плакать? Бог знает, что это такое будет! Дали слово Андрею Павловичу, все готово к свадьбе... а тут вдруг...
- Наташенька не могла кончить, всхлипыванья стеснили ей дыхание, она закрыла лицо руками, бросилась ничком на диван и разливалась горячими слезами. Мать испугалась.
- Наташа, Наташа, душа моя! - вскричала Дарья Ивановна. - Ах, дура я, в самом деле! У меня ведь и из головы вон... крестная с нами сила! Ах, Господи! Что ж я буду делать? Прислал двадцать тысяч на приданое, везет графа в женихи... Что я буду делать? Вот не было горя, пришел мат! Наташа, да хоть скажи ты словечко!
- Что ж буду я говорить? Просили братца мешать моему счастью!
- Ну, кто просил его? Я просила, что ли?
- Черт просил!
- Так бы ты и говорила. Подлинно, не вовремя такое счастье. Граф! Что ж мы будем делать, как он приедет? Ведь нельзя же не подготовиться!
- Приготовляйтесь как хотите, маменька, а я умру!
- Это что такое? Ты думаешь, что я взяла, да так тебя и отдам графу? Да мне будь он хоть разграф, я ему скажу: «Извините, ваше сиятельство, за счастье бы почла иметь такого зятя, да уж дочка сговорена, а слово не берут назад!»
- Конечно, не берут, - сказала Наташенька, приподнявшись с дивана и отирая слезы, - мало ли графов да князей, не за всех же выходить замуж. Пусть себе ищут графиню! А я не графиня. Да и ничего на свете не возьму, чтоб быть графиней-то.
- Не знаю, что делать мне с этими тысячами, что прислал Вася?
- Бросьте их, маменька, да и только!
- Скажи пожалуйста! А Вася приедет, скажет: «Что ж это, тетенька, вы в лачужке живете?»
- Что братцу за нужда, в чем бы мы ни жили, хоть в курятнике?
- Какая ты глупая! Ведь ему стыдно будет показать графу нас... в таком наряде... в каких-нибудь ситцевых платьишках...
- Пусть его стыдится, а нам не стыдно, - сказала Наташенька, - где ж нам взять лучше?
- Так для этого он и прислал двадцать тысяч, чтоб мы как следует по моде принарядились.
- Ни за что! - вскричала Наташенька. - Я и не выйду к нему.
- Скажи пожалуйста! Коли прикажут, так выйдешь!
- Ни за что!

- Как? Ослушаться матери? Хорошо! Прекрасно! За мои труды и попечения! Спасибо!

Наташенька залилась снова слезами, опять зарыдала.

- Я чувствую, - сказала она, - что вы меня хотите выдать за графа. Бог с вами!

- Господи! - вскричала Дарья Ивановна прослезясь. - В этих тысячах черт сидит! Нет, Бог с ними! Запру их до приезда Васи и отдам назад! Не хочу я их, проклятых! Не нужны они мне! - Дарья Ивановна спрятала конверт с деньгами в комод, приласкала Наташу и помирилась с ней.

До Фирса Игнатъича и Андрея Павловича дошли слухи, что Дарья Ивановна получила двадцать тысяч от племянника; но они ни слова об них. И Дарья Ивановна молчит.

Через несколько дней совершилась свадьба матери и дочери.

- Фирс Игнатъич, голубчик, - сказала Дарья Ивановна, - возьмите, пожалуйста, спрячьте к себе двадцать тысяч, деньги моего племянника Васи.

- Он к вам, душа моя, прислал их на сохранение?

- На какое сохранение! Прочитайте письмо. Бог знает что пишет. Да я... Бог с ними! Приедет, пусть возьмет назад.

Фирс Игнатъич прочитал письмо и покачал головою.

- Что ж вы, голубчик, ничего не говорите? Неужто я худо поступила?

- Нет, вы, душа моя, поступили как следует: Бог с ними; приедет, пусть возьмет назад.

Прошли две недели, три недели, месяц, год; а племянник Дарьи Ивановны не является с графом. Об нем почти забыли и думать, а деньги лежат в сохранности в шкатулке у Фирса Игнатъича. И Фирс Игнатъич и Дарья Ивановна посмотрят иногда - тут ли пакет с надписью «двадцать тысяч В.П. Дмитрицкого», и скажут: «Бог с ним, приедет, возьмет назад».

А Наташенька так счастлива за Андреем Павловичем, что позавидовать не грех.

Она уж нянчит миленькую Леночку на руках, а братца ее нет как нет. Иногда она говорит Андрею Павловичу, целуя его и дочь:

- Когда братец приедет, я спрошу его: что лучше: графство и богатство, или вот эта радость? Агу! Леночка, агушеньки-агу!

- Дай-ко мне ее на руки, - скажет Андрей Павлович.

- Извини, не дам! Пошел прочь! Няньчись с своими бумагами!

Часть третья

I

Какие же противные судьбы помешали Дмитрицкому приехать на родину? Вот какие: он уж был на пути к Путивлю; но дорога лежала как раз через тот самый город, где Щепиков был городничим и где бедная заключенная Саломея приведена была в дом его благородия для шитья белья. Сначала посадили было ее работать в так называемую девичью, а правильное бабью; потому что Катерина Юрьевна никогда не держала у себя в доме девок, зная, что этот народ балуется; но когда сама Катерина Юрьевна вышла в девичью и взглянула на Саломею, то тотчас же отдала приказ посадить ее работать в мезонине.

Щепиков, возвращаясь из полиции домой, вошел к себе не с парадного подъезда; но, считая необходимым заглянуть по хозяйственной части в конюшню, в сарай и в людскую, вошел со двора через кухню и девичью. Тут он приостановился и спросил у старой Маланьи:

- А где ж колодница, которую привели из острога шить белье?

- Барыня приказала посадить ее в мезонине, - отвечала Маланья.

- А! А для чего?

- Да кто ж здесь будет стеречь ее? А там - запер дверь снаружи, и стеречь нечего.

- Да, конечно, - сказал Щепиков, подумав что-то.

Этот мезонин был не что иное, как светелка на чердаке, ход из сеней. Здесь обыкновенно вешали сушить белье. Окно светелки выходило не на улицу, а на сторону к каменной высокой стене, которая разделяла деревянный одноэтажный дом, занимаемый городничим, с заездным двухэтажным домом. Против светелки были два окна, и расстояние так было близко, что обитатель светелки мог разговаривать шепотом с постояльцем, занимающим на постоялом дворе комнату для ночлега проезжих, откуда можно было наслаждаться видом и светелки и крутой деревянной крыши, которая проросла мохом и уподоблялась зеленому лугу на скате горы.

По приказу барыни, Маланья, что-то вроде ключницы и ларечницы в доме, отвела Саломею наверх и обмелировала светелку стулом с перевязанными ногами и старым матрасом, который за негодностью, съеденный молью, валялся на чердаке.

- Работай себе, мать моя, тут тебе будет хорошо; уж все не то, что в тюрьме. Как смеркнется, я тебе и поужинать принесу.

Поселив таким образом Саломею, Маланья вышла, приперла дверь, наложила пробой и заткнула колышком.

Среди людей человек самый несчастный как-то всегда спокойнее: наружные впечатления чувств развивают думы, которыми питается горе. В кругу веселых печальный смотрит на них, или удивляется с сожалением нелепой их радости, или завидует им, или презирает их, забывая самого себя; в кругу заботливых, хлопотливых, суетливых, дорожащих каждым миготом жизни, человек, потерявший цену жизни, опять-таки смотрит на суету сует, думает: «Чего эти люди хотят, чего ищут?» - и забывает себя. Но в уединении все чувства сосредоточены в самом себе, нет для них развлечения; нет пищи взору видеть, уху слышать, нет настоящего; куда ж скрыться от пустоты, как не в прошедшее и не в будущее? В прошедшем пища - горе воспоминания, в будущем - тоска ожидания.

Оставшись наедине, Саломея не могла приняться за работу, она бросилась на матрас с отчаянием и лежала как беспомысленная. Настал вечер, дверь отворилась, вошла Маланья с чашкой.

- А ты уж спишь? На-ко щец.

- Благодарствуй, мне не хочется есть.

- Ну, как изволишь. Спи себе. - Маланья вышла и приперла дверь.

Саломея рада была бы забыться, но не могла. Ей душно, она мечется, срывает с головы платок, открывает окно, садится подле, и мысли ее полны отчаяния, глаза вымеряют высоту. Посреди тишины послышался колокольчик; все ближе и ближе, и вот коляска остановилась подле заездного дома. Поднялся говор и шум; это развлекло Саломею. Она прислушалась; но вскоре все снова утихло. Саломея снова предалась мыслям; облокотясь на окно и склонив на ладонь голову, она смотрит на яркую луну, которая, кажется ей, быстро катится по волнам облаков. Вдруг одно окно заездного дома против светелки с шумом растворилось, и отдернулась занавеска.

- Фу, жара, духота какая! Скверность! - раздался голос в окне.

Саломея вздрогнула. Этот голос был очень знаком ей.

- Фу! Что за гадость эти городишки! Хоть бы из окна окатило свежим воздухом! - продолжал, высунувшись из окна, какой-то мужчина, в котором трудно было не узнать Дмитрицкого; он сдернул с головы парик и начал им прохладить себя как веером.

Саломея устремила на него глаза, и вдруг взор ее дико загорелся, бледное лицо жарко вспыхнуло, из взволнованной груди готово было вырваться восклицание. Но она как будто подавила в себе женскую слабость, задушила звук и сжалась; припала как тигрица, чтоб одним прыжком прянуть на близкую жертву. Выкатившаяся луна из-за тучи осветила слегка Саломею. Дмитрицкий заметил ее. В окошечке терема горячее женское личико, пламенные очи, распавшиеся по открытым плечам волосы, все это озарено луною - воображение разыгралось. «Чудо!» - подумал он и послал рукой поцелуй.

- Это он, он! - прошептала Саломея с злобною радостью, - не узнал!

Она отошла от окна.

- Куда ж ты? Душенька! Хорошенькая! О ты, кто бы ты ни была, простая смертная или богиня... Послушай, я перепрыгну к тебе!

Саломея не сводила глаз с Дмитрицкого, дрожащие уста ее как будто шептали: «Поди, поди сюда, блаженство мое! Поди сюда, низкая душа! Я обовьюсь около тебя змеей, я задушю тебя в своих объятиях!»

- А! Что говоришь ты? - продолжал Дмитрицкий, давая знак руками, что он во что бы ни стало, а преодолеет все преграды, разделяющие его с таинственной заключенной в тереме красавицей. - Можно? Ты одна?

Саломея кивнула головой. «Наша! - подумал Дмитрицкий, и, вымеряя глазом расстояние окон, он также кивнул головой и подал знак: - «Сейчас же буду твой!» Потом, задернув занавеску, крикнул:

- Эй, молодец! Я на этом проклятом диване с клопами спать не буду! Принеси мне две доски и положи на стульях...

- Да будьте спокойны, ваше сиятельство, клопов у нас не водится, - сказал трактирный молодец.

- Что велят, то делай! - крикнул Дмитрицкий.

- Есть доски, да длинноваты.

- Ну, тем лучше, неси!

Длинные доски были принесены и положены на стулья.

Черномский, или, вернее, Желынский, в должности Матеуша, стал стлать постель.

- Да ну, скорее! Я, мочи нет, спать хочу.
- А пан заказал ужин.
- Не хочу, ешь сам. Ступай.
- А раздеваться, пан?
- Не буду; так лягу, чтоб не заспать. Ступай!

Жельнский вышел, а Дмитрицкий торопливо отдернул занавеску, послал поцелуй к таинственной деве и принялся потихоньку, без стуку, разбирать постель. Одну доску перекинул он мостом чрез пространство между окном и забором, с другой отправился по этому мосту и устроил переправу до окна светелки:

Саломея затрепетала, когда он прыгнул в окно и тихо проговорил:

- Душенька!

В это самое время Щепикова мучила бессонница; он приподнялся тихонько с ложа, на котором покоилась уже добрым сном Катерина Юрьевна. Но она была чутка.

- Куда ты? - спросила она сквозь сон.

- Никуда, душа моя, спи! - отвечал Щепиков, надевая халат.

И он пошел дозором. Выбрался в сени. Потом, едва дотрогиваясь до ступеней, на четвереньках - как кошка, взобрался по крутой лестнице на чердак.

Сделал несколько шагов к светелке - и вдруг присел от ужаса...

- Чудо, роскошь, восторг! Да ты просто наслаждение! - раздавалось там вполголоса.

- Постой, постой! - послышался женский голос.

- Чего стоять, радость моя?

- Постой!..

И вдруг что-то грохнулось с страшным стуком, задребезжало разбитое стекло.

- Что ты это? - кто-то вскрикнул.

- Ничего, - отвечал женский дрожащий голос, - я только сбросила доску!

- Ах, безумная! Что ты сделала! Как же я отсюда выйду?

- Зачем уходить? Ты не уйдешь отсюда, не оставишь меня! Теперь ты мой, душа моя, друг мой! Обними свою богиню, ласкай... а я вопьюсь в тебя!..

- Ах, черт, да это в самом деле богиня... или безумная...

- Куда? Нет, я тебя не пущу! Не пущу, жизнь моя!

- Прочь! Вцепилась когтями... С ней не сладишь!

- Какое счастье! Какое благо!

- Тс! Что ты кричишь! Ах, проклятая! Кто-то идет!

- Ничего! Это шум. Это сюда идут. Куда? Нет! Ни шагу от меня! Теперь ты мой!

- Шутки?

- Нет! Не шутки! Я блаженствую, пользуюсь минутой счастья, обнимаю тебя, целую!

- Караул, караул! - закричал Щепиков, услышав крик в светелке.

- Идут... Пусти, дьявол!

- Нет! не пущу! Мои руки крепче оков, они так и окостенеют! Чувствуешь ли ты колодку на шее? Это я, твоя Саломея, любовь твоя...

- Саломея?! О... проклятая! Демон!

Между тем как эта сцена происходила в светелке, весь дом поднялся уже на ноги. Доска, которую Саломея столкнула с окна светелки, ударила концом в окно спальни, где покоилась Катерина Юрьевна. Она вскочила с испугом, хватилась мужа: его нет. Подняла крик, выбежала в девичью, перебудила своих баб. Послала будить людей и дворню. Послала в полицию. А между тем ходит со свечой по всему дому и ищет мужа. Внизу - нет...

- Посмотри-ко в светелке! - говорит она Маланье, - ведь там колодница?

- Там, сударыня.

И вслед за Маланьей Катерина Юрьевна взбирается на лестницу, а Щепиков навстречу.

- Что это такое, сударь? Это что?

- Караул! Людей сюда! Послать в полицию! - кричит Щепиков, - скорее!

- Слышишь? - раздался громкий голос Саломеи в светелке: - Слышишь - «Людей, полицию!» Нас хотят разлучить!..

- Сюда, сюда! - кричит снаружи Щепиков. Отворяй светелку!

Дверь отворилась; несколько полицейских солдат, а за ними Щепиков, жена его, люди вошли в светелку.

- Помогите! - вскричал Дмитрицкий, около шеи которого обвилась Саломея, как змея, — помогите, безумная душит меня!

- Берите их, берите! - кричит Щепиков.

- Позвольте, - сказал Дмитрицкий, освобождаясь от Саломеи, - я граф Черномский, остановился подле, окно против окна; вдруг вижу эту безумную, которая кричит: «помогите, помогите!» Я думал, что пожар, и бросился в окно - спасти ее...

- Не верьте, не верьте сказкам! Это мой любовник, душегубец! Мы вместе с ним грабили и душили людей! - вскричала Саломея.

- Вяжите им руки! - вскричал Щепиков.

- Позвольте, - сказал Дмитрицкий, - справьтесь в заездном доме, там мой экипаж и человек, я в ночь приехал...

- Тащите его в полицию! - вскричал Щепиков.

- А эту-то, а эту-то? - вскричала Катерина Юрьевна, - здесь оставить, что ли? Вяжите и ее, тащите и ее вон!

- Постой! Обыщите его! - сказал Щепиков своей команде.

Приказание городничего тотчас же было исполнено; десять рук полезли шарить по карманам и, вынув бумаги и довольно толстый конверт, передали городничему.

- Теперь я спокойна, мы неразлучны с тобой! - проговорила, задыхаясь, Саломея, когда ее повели вместе с Дмитрицким. Глаза ее пылали, лицо горело; с распущенными, разбросанными волосами она казалась безумной.

- Вы будете отвечать! - сказал Дмитрицкий Щепикову.

- Хорошо, приятель! - отвечал Щепиков.

Саломею и Дмитрицкого со связанными руками препроводили в полицию. Допрос отложен был до утра, а до допроса сонные будочники толкнули их в арестантскую избу с разжелезными окнами и заперли.

На нарах лежало несколько колодников в оковах и без оков. Так как прибыль постояльцев была не новость для них, то они сквозь сон взглянули на прибывших и захрапели снова.

На бледном лице Саломеи выразалось то злобное равнодушие к судьбе своей, которое составляет противоположность отчаянию.

- Я теперь вполне счастлива! - сказала она, садясь на пустое место нар. - Мое желание исполнилось, я опять с тобой.

- Проклятая баба! - отвечал Дмитрицкий, ложась на нары, - попутал черт связаться!

- Не черт, мой друг, а пламенная любовь, - сказала спокойно, но язвительно Саломея. - Ты слишком был ветрен, я тебя опутаю оковами любви...

И она потрясла оковами, лежащего подле нее колодника.

- Молчи, проклятая баба! Я спать хочу!

- Спи, дитя мое, я убаюкаю тебя, спою колыбельную песню. - И Саломея запела: - «У кота, воркота, / Колыбелька хороша!»

- Вот чертов певец явился! - проговорил один из колодников.

Саломея еще громче запела; она, казалось, была очень счастлива, и ей как будто невольно пелось.

- Я заткну, брат, тебе глотку! - крикнул опять сквозь сон колодник, подле которого сидела Саломея.

- Не тронь ее. Пьяную бабу не уймешь, как расходится, - прохрипел другой.

Дмитрицкий, казалось, крепко спал.

- Уснул, - сказала Саломея. - Ты спишь, мой друг? - и она подошла к Дмитрицкому, дернула его за рукав: - Послушай, ты спишь?

- Поди ты прочь! бес! - вскричал он, очнувшись.

- Ну, спи, спи! Я тебя не беспокою. Я буду гонять мух от тебя; здесь тьма мух... Ш-ш!

- Пьфу, черт какой! - вскричал Дмитрицкий, соскочив с нар.

- Что ж ты не спишь, друг мой? Может быть, тебе жестко лежать? Ничего, можно привыкнуть.

- Послушай, Саломея Петровна, знаешь ли что? - сказал Дмитрицкий.

- Что?

- Ты очаровательное существо; ей-ей! Я от тебя всегда был в восторге, а теперь еще более. Я вполне понимаю тебя: в тебе не просто человеческая природа... Постой, постой, дай кончить! Я не шучу. Знаешь ли что?

- Что? - спросила презрительно Саломея.

- А вот что: между животными есть ядовитые животные; между растениями ядовитые растения; так и между людьми есть чертовы зелья, которые всё отравляют... понимаешь?

- А ты что такое?

- Я? Я антидот - то же, да не то: ты similia, а я similibus...
 - Ледяная душа! Холодное существо! - вскричала Саломея, - ты погубил меня!
 - Погубил? Чем? Будто ты погибла? Напротив, ты лучше стала, чем была, ты усовершенствовалась!
 - Забавляйся моим несчастьем, злодей. Но и тебе выхода отсюда не будет! Я тебя скую в железо, наряжу в колодки.
 - Э, помилуй, мы еще молоды. Износим и эти наряды. Да что об этом говорить! Расскажи лучше, каким образом ты здесь очутилась, а? Да, впрочем, догадываюсь...
 В это время двери сибирки открылись, и слова Дмитрицкого были прерваны солдатами, которые вошли выгонять колодников на работу.

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

Для нас, писателей, брань ничего не значит:
 мы живем затем, чтоб о нас кричали;
 одно только молчание нас губит.
 (Б.Джонсон)

Сентябрьский день

Стекает утро вязким солнцем
 С покатых крыш,
 И день стоит над горизонтом,
 Кудряв и рыж.

Осенней солнечной слезою
 Позолочён,
 Он ловит блик под бирюзою,
 Хрустит лучом.

Зерном печали кормит небо,
 Молчит оно,
 Глотая, словно крошки хлеба,
 Её зерно.

И пусть сентябрь горчит повсюду
 Сырой строкой,
 Но этот день подобен чуду,
 Живой такой!

И льются тихие просторы
 Струей времён
 На бесконечные повторы
 Иных имён.

И что ему угрюмый невод
 Земной тоски,
 Когда задумчивое небо
 Кормил с руки!

Алексей Борычев. Москва.

Хорошие шахматисты думают
 на пять шагов вперед.
 Великие - на один!
 Но этот ход всегда верный.
 «Lie to Me»

СМЕШИНКА

(диалог со священником)

- Благословите, батюшка, расстаться
 Мне с мужем, - жизнь пошла не в радость!
 - А что случилось? - Стал он пить и драться,
 И денег не приносит, разве малость.
 - А что ж ты за него пошла-то, Шура?
 - Да дурою была, ума лишенной.
 - Вот видишь, он тебя такую дуру,
 Взял, не побрезгавши, в законны жены!

08.09.2016

В.К. Невярович. Россия.

«Вегетарианец» - древнее
 индейское слово,
 обозначающее
 «Плохой охотник»

Мария Всеволодовна Крестовская

(1862 - 1910 г)

Ранние грозы

Ранние грозы

Продолжение

(начало в № 60)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

На другой день после объяснения с мужем Марья Сергеевна поднялась с тяжелою головою болью. Первым ощущением, пока она не совсем еще проснулась, было странное чувство чего-то невыносимо тяжелого, мучительного и болезненного. Но чего? Сразу она не могла уяснить себе. Она смутно помнила только, что накануне случилось что-то нехорошее, ужасное.

Но это продолжалось всего несколько мгновений. Марья Сергеевна вспомнила все: и вчерашнее объяснение с мужем, и страшную для нее сцену с выбором Наташи, и то, что сегодня кончается все старое и начинается что-то новое, еще не совсем определенно представляемое ею себе, но уже пугающее своей неизбежностью.

Марья Сергеевна опять закрыла глаза и опустила голову на подушки, стараясь вновь уснуть и забыться. Но заснуть опять она уже не могла и машинально прислушивалась к мерному бою старых часов, висевших в соседней комнате. Маятник ходил гулко и звучно, и Марья Сергеевна, сама не зная почему, машинально считала его удары. «Завтра... Завтра меня уже не будет здесь». Она бессознательно повторяла слово "завтра" и ей казалось, что оно как нельзя лучше подходит к мерному звуку маятника. Это как-то странно отвлекало ее мысль от переживаний. Прошло несколько минут. Все было тихо, верно, еще очень рано. Не встали... Она глядела широко раскрытыми глазами на одну точку в узоре обоев на противоположной стене, и ей было лень отвести глаза. Так лежала она без движения, без мысли и даже без тоски, боясь выйти из этого полубессознательного состояния и начать снова мыслить, чувствовать и страдать.

В соседней комнате хлопнула дверь. Марья Сергеевна вздрогнула. Кто-то подошел к двери ее комнаты и остановился, заглядывая в маленькую щелочку, образовавшуюся между двумя не совсем плотно притворенными створками дверей.

- Еще спят, - слышалось ей.

Марья Сергеевна быстро приподнялась на кровати и сразу вышла из своего оцепенения.

- Нет... Нет, я не сплю. Это ты, Феня?

- Я, сударыня!

- Войди. Который час?

- Уж скоро десять.

- Десять? Я думала, гораздо раньше...

Феня подошла к окну и, откинув занавесь, стала поднимать штору. Мягкий беловатый свет осеннего утра разлился по углам комнаты. Маленькие диванчики, этажерки и цветы выступили рельефнее, но тонули в сероватом тоне от шедшего с неба грязновато-молочного отсвета.

Марья Сергеевна машинально разглядывала темный силуэт Фени в светлом пространстве окна и светлую полосу, проходившую наискось по всей ее фигуре, в которой мелкий рисунок ситца ее платья выделялся яснее. "Розовенькие цветочки, - бессознательно думала Марья Сергеевна, - ведь это я ей покупала. Да, я. Но когда же? Ах да, к прошлой Святой. И ей, и прачке, обеим одинаковые. Как она долго носит!" И Марья Сергеевне вдруг вспомнились даже лавка, в которой она покупала тогда этот ситец, и лицо приказчика, продавшего его ей, и даже другие куски материи, лежавшие рядом... Феня подняла шторы обоих окон и подошла к постели.

- Одеваться сейчас прикажете?

Марья Сергеевна безучастно глядела на Феню, а потом, точно вдруг уяснив себе ее вопрос, заторопилась:

- Да-да, сейчас, давай скорее...

Феня подала юбки и пошла доставать из шкафа капот. Барыня молча следила за горничной. Знает ли она? Марье Сергеевне хотелось проверить сейчас же, наверняка, знает ли Феня, что случилось, или нет. Но спросить прямо, совестно. Рассеянно одеваясь, она искоса вглядывалась в лицо Фени, хотя узнать что-либо по этому розовому, курносому и миловидному лицу, всегда с задорно-плутоватым выражением столичной горничной, она не могла. Надо, однако, сказать Фене, чтобы она уложила вещи и белье. Но как сказать? Марья Сергеевна стеснялась: что если она ничего не подозревает, удивится, начнет расспрашивать: зачем, почему.

- Вы поможете мне, Феня, уложить некоторые вещи, белье..., - говоря это, Марья Сергеевна чувствовала, как яркая краска заливает все ее лицо, и это сердило ее. Неужели отныне она будет краснеть за свои поступки даже перед этой Феней?

- Слушаю-с.

Феня ответила так просто и спокойно, как будто барыня приказала принести ей чашку чаю. Барыня была сконфужена и удивлена спокойствием горничной гораздо более самой горничной. Феня не была особенно предана ей, но дорожила хорошим местом и верным жалованьем. Она всегда одна из первых видела и замечала все, что совершается в доме; вчерашнее объяснение Марьи Сергеевны с мужем не было для нее неожиданностью. Она давно уже начала предвидеть подобный конец. Когда Павел Петрович вчера послал ее за Наташей, она потом долго стояла, притаившись, у запертой двери кабинета, и, не расслышав чего-нибудь, осторожно заглядывала в щелочку замка. Всем случившимся Феня была отчасти встревожена. При месте она останется или без места? И если при месте, то при ком лучше - при барыне или при барине? Феня решила, что при барыне, пожалуй, лучше будет. Барин, поди, уедет теперь куда-нибудь. Но, предвидя впереди разные хлопоты и неприятности, она в душе даже сердилась на Марью Сергеевну: "Вот уж именно что с жиру бесится! Одурела совсем под старость! Только бедным людям из-за них хлопоты да горе..."

- Барышнину белье прикажете от прачки взять?

- Да, конечно. Барышня у себя?

- Они одеваются; их барин к себе велели звать, как готовы будут.

Марья Сергеевна встревоженно поднялась. Опять! Боже мой! Да зачем же? Разве не все кончено? Зачем же опять звать к себе? Говорить... Но о чем же? Быть может, он передумал и хочет уговорить Наташу остаться с ним? Нет, нет, этого не может быть! Он не сделает этого, раз уж сказал. Проститься? Просто хочет еще раз проститься. Но, что если они оба, оставшись одни, без нее, не выдержат... и в последнюю минуту Наташа сама уже не захочет идти к ней?

Ее глубокая любовь к дочери под влиянием охватившей ее страсти как будто слегка охладела и отошла на второй план. Но когда настал час, в который Марья Сергеевна ясно поняла и увидела, что дочь может быть на всю жизнь отнята и навсегда потеряна для нее, временное охлаждение к ней внезапно исчезло. Под страхом утраты, вся любовь и привязанность к своему ребенку воскресла в Марье Сергеевне с новой страстной силой. И, несмотря на вчерашнюю сцену, в которой Наташа выбрала мать, Марья Сергеевна мучилась и боялась, что за ночь девочка передумала и, переговорив с отцом, откажется от нее и перейдет к нему...

- Кофе сюда подать прикажете?

- После. Идите теперь. Я позову, когда мне будет нужно.

Феня вышла. Марья Сергеевна порывисто встала, подошла к двери Наташиной спальни и приотворила ее сначала тихонько, осторожно заглядывая внутрь комнаты. Наташа стояла лицом к ней, застегивая пуговицы своего лифа.

- Ты встала уже? - спросила Марья Сергеевна только для того, чтобы как-нибудь начать.

- Да, мама, я уже готова.

Марья Сергеевна подошла к дочери и, приподняв ее голову за подбородок, взглянула ей в глаза. Наташино личико приходилось почти вровень с ее головой и глядело на нее своими серьезными задумчивыми глазами. Но какая же она большая. Совсем, совсем большая! Марья Сергеевна с удивлением смотрела на Наташу, точно только теперь поняв, что дочка уже не тот маленький ребенок, который когда-то на ее коленях тянулся к ее груди крошечным сморщенным ротиком и пухленькими ручонками. И даже не тот, которого она сама учила азбуке, а совершенно новое, такое взрослое и понимающее существо, как и сама она. И это поражало и пугало ее почему-то; она с удивлением смотрела на нее, почти не узнавая в этой серьезной девушке свою Наташу, которая еще так недавно казалась совсем маленькою девочкой...

- Меня звал папа, - тихо начала Наташа.

Да... Да... Ведь за этим она и пришла...

- Я знаю, моя дорогая, но... Ты пойдешь?

Наташа как будто слегка удивилась:

- Ведь он же звал меня, мама!

- Я знаю. Знаю, дитя мое, но я боюсь. Я не знаю - достанет ли у тебя силы? Наташа, дитя мое, если ты не уверена, то... лучше не ходи! - и она нервно с силою сжала руки дочери, не замечая сама, что ломает их до боли.

- Я не могу не пойти, мама, когда папа зовет меня.

- Но ты... Ты не останешься? Наташа, милая, дай мне слово!

Она вдруг зарыдала и, судорожно всхлипывая, припала головой к груди дочери; обхватив, крепко прижала к себе, точно боясь выпустить. По бледному лицу Наташи пробежали судороги.

- Мама, милая, останемся! Останемся! Пускай все будет, как прежде. Он простит. Останемся! - тихо плача, Наташа целовала волосы и заплаканные мокрые глаза матери с тою нежною лаской, которую они уже так редко видели друг от друга в последнее время.

Марья Сергеевна на мгновение как будто поддадалась этому ласкающему голосу, но через минуту зарыдала еще сильнее.

- Нет, нет, Наташа, это уже невозможно. Нет. Дай мне только слово, что ты...

- Да отчего же невозможно? Мама, милая...

- Нет, Наташа, ты не поймешь этого. Теперь уже поздно. Понимаешь, прежнего все равно уже не будет.

Она слегка успокоилась и заговорила уже более ровным голосом, но все еще не выпуская из своих рук руку Наташи.

- Того, что случилось, уже нельзя исправить. И останусь ли я, уйду ли... и в том, и в другом случае прежняя жизнь уже немыслима. И счастливее от того, что я останусь, ни я, ни твой отец не сделаемся. Когда ты вырастешь, ты сама все это поймешь и... быть может, простишь мне, что я невольно отняла у тебя отца. Верь, Наташа, я мучаюсь, может быть, сильнее, чем он, но переделать уже ничего нельзя. Я хочу только знать твердо, уверенно знать, что ты останешься со мной и не бросишь меня, что бы ни случилось. Если ты мне дашь в этом слово, тогда я не побоюсь отпустить тебя к отцу - не только сейчас, но и потом. Ты так папе и скажешь, что когда ты или он захотите повидать друг друга, это всегда будет зависеть от вас, и я никогда не помешаю. Но только прежде дай мне слово, что ты не оставишь меня...

- Я сказала тебе. И ему... Еще вчера.

- Никогда?

Наташа посмотрела на нее долгим, точно испытующим взглядом своих недетских глаз.

- Да, никогда, - твердо, но грустно повторила она за матерью.

Марья Сергеевна радостно вздохнула.

- Моя девочка, моя милая, я тебе верю и теперь спокойна. Теперь, если хочешь, иди к нему, я не боюсь больше.

Она слегка оттолкнула дочь от себя и со счастливой улыбкой смотрела на нее:

- Иди, деточка... - она все улыбалась ей, как бы ожидая от дочери в ответ такую же улыбку.

И Наташа улыбнулась, но одними губами, а глаза оставались серьезными и строго-холодными. Она ушла, а Марья Сергеевна задумчиво глядела вслед дочери.

- Совсем уже большая! А я... - она болезненно закрыла лицо руками: перед ее закрытыми глазами стояла все та же фигура дочери не в гимназическом коротком платьице, а в том, что она была сейчас и в котором казалась ей почему-то еще старше, загадочнее и отчужденнее.

II Когда Наташа вошла в кабинет отца, Павел Петрович с угрюмым, но спокойным лицом ходил из угла в угол большими шагами, заложив руки за свою широкую и немного сутуловатую спину. Павел Петрович решил уехать в этот же день и потому желал проститься с Наташей. Он находил, что это нужно сделать, и что уехать, не повидав дочери еще раз, невозможно. Но ему было неприятно и как-то совестно видеть теперь кого бы то ни было, даже дочь. И в его взгляде, который он обратил на Наташу, когда та вошла, было что-то сухое и холодное. Он не чувствовал охлаждения к ней за то, что ее мать обманула его. Он не сердился на нее даже за то, что она все-таки предпочла ему эту мать. Но сознание этого обмана и оскорбления охватывали его таким мучительным стыдом и унижением, что он был не в силах заглушить их в себе даже перед Наташей. Признание жены не породило в нем жгучей, страстной ревности. Но он чувствовал в душе такой стыд, позор, унижение, как если бы ему публично дали пощечину. И теперь, избегая встречаться взглядом с дочерью, он испытывал то самое чувство, которое, казалось ему, было бы уместно в том случае, если бы она была свидетельницей этой пощечины. Чувство это было так сильно в нем, что он предпочел бы лучше совсем не видеть ее в эту минуту. Но это было невозможно. Павел Петрович покорился, пересилив себя, и призвал ее, чтобы дать ей кое-какие распоряжения по случаю своего отъезда, так как видеть и объясняться еще с

Марьей Сергеевной он уже не хотел, предпочитая все переговоры с ней вести теперь через Наташу. Павел Петрович сознавал, что нужно что-то сделать перед отъездом; что нельзя уезжать так - разом, бросая все на произвол судьбы. Но что именно сделать, какие дать распоряжения, это не совсем ясно представлялось ему, особенно теперь, когда Наташа стояла перед ним, и с нею нужно было о чем-то заговорить. После вчерашнего дня, обрушившегося на него так неожиданно, он чувствовал себя потерянным и в то же время странно оледеневшим, так что даже прощание с горячо любимой дочерью не трогало его. Сознавая только его неизбежность, он старался как можно скорее закончить его.

- Я уезжаю, Наташа... - начал он, не глядя на нее, - сегодня же.

Наташа слегка вздрогнула.

- И хотел проститься с тобой. Я еще не знаю, когда вернусь. Во всяком случае, не ранее, чем через месяц, а потому желал бы сделать некоторые распоряжения.

Павел Петрович говорил сухим, деловым тоном, как будто о каком-нибудь официальном деле, избегая не только объяснения, почему уезжает, но и косвенных намеков на то, что случилось. Он знал, что она понимает, и надеялся, что с присущими ей тонким пониманием и деликатностью, не станет сама заговаривать с ним о том, что он не желал вспоминать.

И действительно, как бы чутьем угадывая его мысли и желания, Наташа молча стояла перед ним, не прерывая и не глядя на него. Ей было так же, как и прежде, мучительно жаль отца. Сознание страшной виновности перед ним - не только материнской, но и своей, теперь уже вполне ясной для нее, мучило ее. А между тем тот стыд, который испытывал он, испытывала и она. Она не понимала только, за кого именно чувствует она этот стыд. Ни отец, ни даже она не сделали ничего дурного, а между тем ей казалось, что ей стыдно не только за мать и за то, что случилось, но и за него, за этого бедного доброго отца, которого она любила так горячо.

Сказав, что он желает сделать распоряжения, Павел Петрович опять несколько смутился, тщательно выискивая в уме и не находя тех распоряжений, которые должен был сделать.

- Но все это, - начал он, вдруг оживляясь, так как в голову, наконец, пришла удачная мысль, выведя его из затруднения, - очень сложно и требует обстоятельного изложения. Потому я все это напишу тебе, моя милая, из Москвы в первые же дни по приезде. Затем, в столе, лежит около четырехсот рублей. Я их оставляю. Быть может, понадобится там... На что-нибудь...

Затем, Павел Петрович чувствовал, что сказать ему больше нечего, и остается самое тяжелое и трудное - проститься с дочерью и выдержать до конца тот тон деловой официальности, который как бы защищал и удерживал их обоих от слез и выражения своих страданий и горя. Почему не нужно этих слез, он не отдавал себе отчета, но чувствовал только, что не нужно, и боялся, стыдясь их. Всякое сожаление, даже Наташино, явно высказанное, было ему тяжело и оскорбительно. Боясь растрогаться неволью и тем сделаться в глазах дочери и своих собственных еще более жалким, он всеми силами сдерживал себя и говорил все суше и торопливее.

- Во всяком случае, через месяц я надеюсь увидеться с тобой, а пока до свиданья, моя милая, - он подошел к дочери и, слегка обняв ее одною рукой, другою перекрестил три раза.

Наташа стояла перед ним с серьезным и бледным лицом, с каким-то строгим, сдержанным выражением в глазах, и, когда он перекрестил ее, молча взяла его руку, крепко прижалась к ней губами и несколько мгновений не отнимала ее. И Павлу Петровичу стало вдруг так мучительно жаль и ее, и себя, и прошлого счастья. Он до боли закусил губу и быстро отодвинул от себя дочь, точно боясь, что не выдержит и зарыдает помимо воли.

Наташе страстно хотелось сказать ему что-то, обнять его, заплакать, но, угадывая, что он не хочет этого, она крепилась и сдерживалась. И, только выйдя за дверь его кабинета, она опустилась на первый попавшийся стул и заплакала. Ей вдруг вспомнилось, как страстно молилась она Богу, чтобы Он помог им.

- И все-таки же... все-таки это случилось! О Господи! Ведь Тебе все возможно... Зачем же... Почему же... почему Ты не помог..?

III Павел Петрович уехал. Он, всегда жертвовавший всем ради служебных дел, вдруг все бросил. На другой день он не поехал даже в министерство и, только подав заявление о своей болезни, мысленно решил, что будет просить об отпуске, а потом и о полном переводе из Петербурга. Куда, в какой город - все равно, но только подальше от всего, что напоминало ему о прошлом, где все знали его прежнюю жизнь, а через неделю будут знать и его позор. Где, наконец, он каждый день мог встречать "их"...

Служба, карьера, обещавшая быть такою блестящею, все казалось уничтоженным, сломанным и неважным. Ясно, что его отъезд из Петербурга, внезапная просьба о переводе в провинцию испортит все или, во всяком случае, очень многое: дальше он уже не пойдет; но от этого

ему не становилось даже тяжелее. Ему казалось, что он потерял так много, что потерять затем больше - уже безразлично. Он угрюмо сидел в купе вагона, стараясь не выходить на станциях, избегая соседей и боясь каждую минуту встретить кого-нибудь из знакомых и услышать чей-нибудь вопрос "про нее". Почему он ехал именно в Киев, а не в другой город, он и сам не мог бы сказать. Просто выбирал место, где меньше знали его, где он реже бывал и где сам мог бы слышать и знать "про них" как можно меньше. Надолго ли он задержится и что будет делать там, он тоже не знал и старался не думать, ища в своей поездке хоть легкого забвения.

Приехав в Киев, пробыв там несколько дней наедине с собою и немного оправившись от первого удара, Павел Петрович думал о случившемся с ним, и, анализируя как сам факт, так и свои лично поступки, пришел к заключению, что поступил слишком поспешно. Как бы то ни было, но эта женщина - во всяком случае, его жена. Он взял ее неопытной девочкой, почти ребенком, и в течение пятнадцати лет она все-таки была прекрасною женой. К тому же она носила его имя. У нее осталась их дочь. И теперь, несколько смягчившись, он решил, что его долг - позаботиться о ее дальнейшей судьбе...

Почему-то Павел Петрович плохо верил в любовь к ней Вабельского и возможность ее счастья с ним. Но если уж так случилось, то этот господин, во всяком случае, должен жениться на ней. Это было необходимо и для нее, и для дочери. Он не может позволить своей жене, носящей его имя, открыто жить с любовником. Но, слабо веря в любовь Вабельского, он еще меньше верил в его желание жениться на Марье Сергеевне, и потому решил написать ему следующее письмо:

"Милостивый государь, пишу вам только потому, что считаю своим долгом позаботиться как о добром имени, так и о дальнейшей судьбе женщины, которая была так близка мне. Я не желаю и не считаю себя вправе насиловать ее чувства и стеснять ее свободу, но я желаю и считаю своим правом знать, что ее увлечение окончится для нее по возможности счастливо и не позорно. Оставляя ей честное имя, на котором до сих пор не лежало ни одного пятна, а также имя моей дочери, доверенной мной ее попечению, я требую, чтобы имена их остались столь же незапятнанными, как были до сих пор. Не видя для этого иного исхода, кроме брака, я буду с этого же дня хлопотать о разводе. Вину я беру на себя, но за это требую от вас, как от порядочного человека, чтобы, по прошествии месяца со дня развода, жена моя получила ваше имя и права вашей законной жены. В противном случае предупреждаю, что мое снисходительное поведение по отношению к вам, происходящее только из уважения к моей жене, перейдет в более решительные действия, и тогда я буду считать своим правом потребовать от вас, милостивый государь, личного удовлетворения".

Написав это письмо, Павел Петрович начал другое, к Наташе.

"Мое дорогое дитя. Обстоятельства, разлучившие нас, так потрясли меня своею неожиданностью, что я не успел даже сделать никаких распоряжений. Распоряжения эти касаются только материальных вопросов, так как по вопросам чувства я не могу ничего приказывать тебе. Скажу только, что видеться с тобою, хотя бы время от времени, переписываться в промежутках между этими свиданиями - мое горячее желание, и верю, что это желание найдет отклик и в твоём сердце. Где я буду жить и что предприму, я еще не знаю и сказать решительно в данную минуту не могу; но где бы я ни был, ты всегда будешь знать о моем местонахождении, и по первому твоему желанию мы будем видеться с тобой, когда и где ты захочешь. Не думай, Наташа, что я был бы недоволен и мог бы сердиться на тебя за твое решение - остаться с матерью. Я понимаю твое чувство к ней, и не сомневаюсь в таковом же и ко мне с твоей стороны, и как ни больно мне было лишиться тебя, но я нахожу, что ты поступила так, как и должна была поступить. Я сильнее твоей матери, и мне легче, чем ей, переносить испытания. Они тяжелее для нее, и я боюсь, что ей предстоит их еще немало, а потому твой долг быть с нею и поддерживать ее в тяжелые минуты. Твоя мать скоро будет женою другого человека. На все воля Божия, и, покаясь ей, я не хочу осуждать никого. Но я также не хочу, чтобы тебе, моей единственной дочери, пришлось жить на средства постороннего для меня человека, хотя бы и мужа твоей матери. И потому каждый месяц ты будешь получать от меня сто пятьдесят рублей, из которых сто будешь отдавать матери на твое воспитание и содержание, пятьдесят же оставлять себе на свои личные расходы. Я не хочу, чтобы ты, моя милая девочка, нуждалась хоть в чем-нибудь; мне будет легче, если я буду знать, что ты обеспечена и независима. Когда твое воспитание окончится, ты будешь оставлять себе сто рублей, и если в случае каких бы то ни было нужных и желаемых тобою расходов этого не достанет, то моя не только просьба, но и "приказание" - обращаться только ко мне. И я надеюсь, моя дорогая, что твое сердце и ум подскажут тебе, почему я этого хочу и почему мне будет больно и обидно твое непослушание мне в этом случае. Засим

мысленно горячо обнимаю и благословляю тебя, мое дорогое дитя. Что бы ни случилось с тобою, помни, Наташа, что у тебя есть отец, который любит тебя и никогда не перестанет думать и заботиться о тебе. Какое бы горе ни случилось с тобою, пиши мне все искренне и откровенно, и не переставай никогда видеть во мне того горячего друга, которого ты знала во мне с раннего детства. До свиданья. Горячо целую тебя и благословляю. Я скоро возвращаюсь в Москву, и, вероятно, пробуду там с месяц; пиши мне прямо туда, до востребования".

IV Получив от Павла Петровича письмо, Виктор Алексеевич был страшно раздражен.

Если он допускал временный разъезд Марьи Сергеевны с мужем, то уж, конечно, не для того, чтобы самому иметь удовольствие жениться на ней. Когда Марья Сергеевна написала ему, что муж после объяснения с ней уехал, предоставив ей право развода, Виктор Алексеевич остался очень доволен этим поспешным отъездом, дававшим ему возможность избежать всяких личных переговоров и объяснений, столь не желаемых им и даже отчасти пугавших его. На право развода, предоставляемое Марье Сергеевне мужем, он почти не обратил внимания и только с легким неудовольствием сказал себе: "Ну ладно, как же..." Вообще же весь оборот, который приняло это дело, казался ему относительно благополучным. В душе он немножечко побаивался, что все это выйдет гораздо хуже и затруднительнее. Правда, тот факт, что Наташа осталась-таки с матерью, сначала рассердил его, но потом, рассудив спокойно, он нашел, что так, пожалуй, и лучше. По крайней мере, это избавляло его от необходимости сожительства с Марьей Сергеевной. Если бы Марья Сергеевна бросила для него не только мужа, но и дочь, то очень вероятно, что она, страстно влюбленная в него и вполне уже свободная, пожелала бы и жить с ним вместе. Виктор Алексеевич прекрасно знал, что на это он никогда не согласится. Но подобное желание с ее стороны могло повлечь за собой, в случае его отказа, новые неприятности и истории. Теперь же при взрослой дочери Марья Сергеевна, понятно, и сама не станет желать этого. Наташа, как бы невидимо, будет разъединять их именно настолько, насколько это нужно, чтобы отношения их не сделались бы ни постоянными, ни слишком уж интимными. Очень мешать девочка не может; с ней он всегда сумеет справиться, тем более теперь, когда карты раскрыты и нечего опасаться каждую минуту, что она может рассказать что-нибудь папеньке. Теперь папенька и сам все знает. И Виктор Алексеевич с легкой душой и даже в приятном настроении, как от удачно выигранного им процесса, любезно принял на себя разные хлопоты по случаю переезда Марьи Сергеевны. Как вдруг это проклятое письмо..!

Прочтя его, Виктор Алексеевич вспыхнул от злости. В душе он должен был признаться себе, что этого письма или вообще какого-нибудь объяснения нужно было ожидать. Но, не получая почти неделю ничего подобного, он начал успокаиваться, думал, что все закончилось. Письмо было неприятным сюрпризом. В первую минуту Виктор Алексеевич призадумался - что ему делать. Следует ли отвечать, и если следует, то как? Конечно, он не желал жениться на Марье Сергеевне и знал заранее, что никогда этого не сделает. Но так прямо ответить на категорический вопрос Павла Петровича он не хотел, понимая, что тогда все осложнится еще неприятнее и даже может привести к чему-нибудь нежелательному. Не отвечать ничего - тоже нельзя. Павел Петрович, не получив ответа, мог приехать и потребовать личного объяснения, что будет еще хуже и глупее. Отвечать же согласием и скрепить подобное письмо своею подписью - крайне опасно. Это значило выдать на самого себя добровольный вексель, бумажный документ, которых он терпеть не мог, особенно в таких щекотливых делах. Теперь он был не только недоволен, но и негодовал на себя за то, что допустил всю эту "дурацкую" историю с разъездом. Ведь шло же дело прекрасно и без всяких разъездов; очень нужно было добровольно засовывать голову в петлю...

Виктор Алексеевич размышлял почти целый день, как поступить, чтобы, не подвергаясь опасности, найти удобный и благополучный исход. В сущности, он был бы очень рад хоть сейчас развязаться с этой историей и покончить всякие отношения с Марьей Сергеевной, превращавшиеся из легких и приятных в затруднительные и неприятные. Но он понимал, что теперь это невозможно. Павел Петрович, узнав о подобной развязке, вместо развода потребует удовлетворения. «Черт знает, что такое! - говорил себе Виктор Алексеевич со злостью и раздражением. - Как все это глупо вышло! И кой черт толкал меня соваться в эту путаницу?» Он был зол и недоволен и собой, и обстоятельствами, и своим лакеем Аристархом, и Марьей Сергеевной, и проигранным, в довершение всех благ, в суде одним важным для него делом... - «Ну, полоска пошла! Наконец, он решил написать Павлу Петровичу следующее:

"Милостивый государь. Прошу вас быть вполне уверенным, что ваше предложение не только не встретит препятствий с моей стороны, но что я сам, лично, буду споспешествовать,

насколько возможно, скорейшему его окончанию. Примите уверение в совершенном почтении готового к услугам вашим В.А. Вабельского".

Перечитав свое послание, Виктор Алексеевич остался им доволен. Ни имен, ни ясных обещаний, никаких фраз, могущих скомпрометировать и обязать его к чему-нибудь! А между тем ответ вполне ясный, точный и прямой, хотя настоящий смысл его может быть понятен только Павлу Петровичу, тогда как никому другому ответ его не объяснял, о каком деле говорится в письме. Вабельскому, как присяжному поверенному, не раз приходилось посылать подобные письма своим многочисленным клиентам по официальным делам.

Ответ временно освобождал его от дальнейших неприятных столкновений и объяснений с Павлом Петровичем. А между тем, прежде чем этот глупейший развод будет окончен, он придумает какой-нибудь иной исход. Да, наконец, сами обстоятельства, быть может, сложатся еще так, что избавят его не только от женитьбы, но и от всей этой пошлой истории, в которую он впутался, как мальчишка, глупо и неосторожно. К тому же развод всегда можно более или менее затянуть, а ему, с его знакомствами в суде и консистории, это даже проще, чем кому бы то ни было. И, стараясь успокоиться и выйти из дурного расположения духа, которое нагнали на него все эти размышления, Виктор Алексеевич умылся, причесался и оделся, как всегда, с особенною заботливостью и вниманием, и поехал по разным делам.

Продолжение следует...

М.В. Крестовская.

- Но ведь между нами есть что-то, правда?
- Да, милая. Это называется пропасть.

- Ты меня любишь?
- Возможно... Память уже не та...

ОТ ДУШИ

Ну как ты, милая моя?
Уж столько лет живём на свете,
Что выросли до внуков дети,
И в новом месте якоря,

А я... А я всё повторяю
И знаю, что оно не зря:
«Ну, как живёшь, моя родная?
Ну как ты, милая моя?»

А годы что? А годы – птицы,
Они летят себе, летят.
На этих выцветших страницах
Всё та же ты, всё тот же я.

Так пусть он продолжает длиться,
Не нами писанный рассказ,
И сбудется, что должно сбыться!
Я ж повторяю всякий раз:

«Ну как ты, солнышко родное?
Ну как ты, милая моя?»
Словцо-то самое простое,
А так подходит для тебя,

Так нежно-нежно обнимает,
Как землю юная заря...
Как ты живёшь, моя родная?
Ну как ты, милая моя?

Уж вишню спелую роняет
Наш старый сад который год.
Приходит время – забывают...
Друзей, и тех наперечет

В живых осталось. Знаю, знаю.
Но всходят по весне поля,
Я ж, возрождаясь, повторяю:
«Ну как ты, милая моя?»

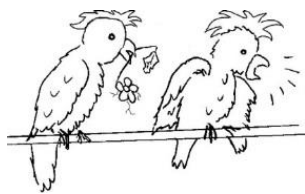
А помнишь, было и такое:
Там, на границах февраля,
(А может, раннею весною?)
Ручьями в город шли моря.

Весну дарили нам с избытком
Весенним щедрые края!
«Ну, как ты, милая моя?» –
Я произнёс тебе с улыбкой.

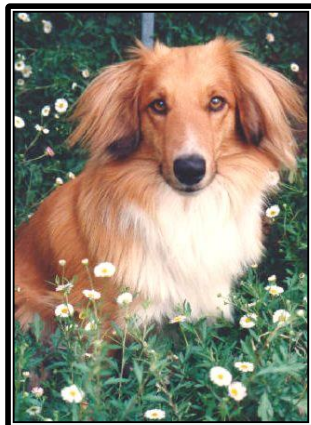
Ты не ответила. К моей
Груди щекой тогда прижалась,
И много, много, много дней
Всё это с нами продолжалось...
И продолжается теперь...

Светил и светит тот маяк!
И всё-таки, какая малость
Нужна для счастья, чтоб сказалось,
Чтоб вовремя оно сказалось,

Желанья сердца не тая:
«Ну как ты, милая моя?»

Тузик и его друзья

На Шумном Дворе холодно, неуютно. Второй день не переставая льёт дождь. Везде лужи. Одна лужа - самая большая, что посреди двора - похожа на море. Порывистый ветер треплет ветки деревьев, обрывает листья. Даже огромный Леопард скрипит.

Гномикам не позволяют выходить из домика.

- Нельзя детки, - сказал папа-Лобик. - Посмотрите: везде мокро. Чихать будете...

- А если у вас промокнул ножки, то заболите, - вздохнула мама-Иголочка, - и тогда вам придётся лежать в кровати...

- А ещё ветер... - покачал головой дедушка Помахайкин. - Того и гляди, унесёт вас куда-нибудь! Нет, нет, в такую погоду лучше не выходить на улицу.

И вот, сидят гномики у себя в спальне возле окна и смотрят на мокрый двор.

- Бублик, а, Бублик, - шепчет Говорилка: - что будем делать?

- Скучно дома сидеть, в окно глядеть... - вздохнул Бублик.

- А что если нам... - с этими словами Бублик и Говорилка подошли к двери.

Матильда Леопольдовна испуганно обернулась: малыши во дворе промокнули! Но Тузик сидит у порога - не даёт шалунам выйти во двор.

А во дворе - в самой большой, в самой интересной луже - точно "лодочка", плавают огромный лист папоротника. И Леопард скрипит на ветру.

До самого вечера сидели гномики у окна.

- Я протестую, - громко зевнул Говорилка, - этак и заснуть можно.

- Мне тоже скучно, - кивнул Бублик, потёр глаза, и положил голову на подоконник...

Гномики не слышали, как мама-Иголочка уложила их в кровать и укрыла одеялом.

К ночи поднялся ураган. Леопард заскрипел так, что мог разбудить кого угодно. А может, и в самом деле, разбудил...? Гномиков. Потому что очень скоро Бублик зевнул, потянулся - и сел в кровати.

- Эй, - тихонько позвал он брата, - не спи!

- А я не сплю, - высунул голову из-под одеяла Говорилка. - Я всё думаю: маму слушать надо? Надо! А в луже...

- А в луже так хочется прыгать... - потёр глаза Бублик.

- Ещё как, хочется! - кивнул Говорилка.

- И что же нам делать? - спросили оба враз. Но вместо ответа...

Гномики тихонько встали. В доме тихо. Матильда Леопольдовна свернулась клубочком возле камина и крепко спит. Дедушка Помахайкин вечером в кресле читал газету, да так с газетой и уснул. Мама-Иголочка и папа-Лобик в соседней комнате похрапывают.

Говорилка посмотрел в окно: темно. Бублик посмотрел - да, ничего не видно; только слышно: как ветер свистит, качает ветки Леопарда. Шалуны на цыпочках подкрались к двери. Приоткрыли...

Тузик тут же проснулся. Заворчал: не даёт гномикам выйти. Хотел даже за пятку шалунов тяпнуть, мол, мама-Иголочка не позволила; нельзя детишкам ночью выходить во двор!

Но Бублик и Говорилка перехитрили Тузика: в приоткрытую дверь ворвался ветер - и они выскочили в темноту.

Тузик сразу побежал будить Матильду Леопольдовну.

- Дети сбежали! Что будем делать?

Матильда Леопольдовна потянулась, зевнула, и сказала:

- Только лаять не надо, иначе весь дом разбудишь... Сами будем детей спасать.

Друзья, вслед за гномиками, выскочили во двор. И видят...

Ночь. Гномики стоят посреди двора. Оба дрожат от холода, дождя и ветра.

- Да, плохо мы сделали, что не послушали маму, - вздохнул Говорилка.

- У меня в кармане бублик намок, - печально сказал Бублик. - Но это ничего, братишка, ты всё равно бери. Ты, наверняка проголодался, - и он протянул Говорилке кусочек побольше.

- Слушай, а давай хоть в темноте попрыгаем под дождём, - сказал Говорилка.

- Не-ет, я полезу в лужу! - сразу обрадовался Бублик.

В это время дождь припустил. В соседнем дворе ветер сорвал огромный лист папоротника и бросил его на Шумный Двор - прямо в лужу... ту самую, что большая, как море.

- А, вот этот лист будет нам "лодочкой"! - захопал в мокрые ладошки Говорилка.

Гномики подтянули к себе лист папоротника. Уселись в эту "лодочку" и, довольные, начали шлёпать ладошками по воде. Брызги попадали им в лицо, глаза, уши, но шалуны только радостно рассмеялись.

Вдруг сверкнула молния и стало светло, как днём. Новый порыв ветра подхватил «лодочку» - вместе с гномиками! - и поднял высоко в воздух...

Лист папоротника кружится над Шумным Двором. Малышам страшно. В темноте никак не могут понять - куда их ветер несёт? И спросить некого: Рябушки в курятнике спят; Базлан - как все птицы, да ещё ночью, в дождь - где-то прячется.

Но вот лист подлетел к Леопарду. И там - среди веток - застрял. Правда, он застрял всего лишь на одну минуту. НО к счастью гномики успели ухватиться за ветку Леопарда. А ветер - он опять подхватил лист и понёс его дальше. И гномики остались висеть на ветке...

Тузик и Матильда Леопольдовна стоят и в страхе смотрят на гномиков: как быть? Кошки не любят мокнуть под дождём; собаки тоже предпочитают тепло и уют. Но ведь, друзья в беде!

- Эх, если бы я умел лазать по деревьям! - заскулил Тузик.

- Нет, нет, - сказала Матильда Леопольдовна, - я сама полезу на ветку!

И вот, гномики спасены! Наконец они дома.

Матильда Леопольдовна принесла сухую одежду. Тузик велел детям сейчас же переодеться, и выпить тёплого молока. После этого Бублика и Говорилку уложили в кровать. Матильда Леопольдовна укрыла шалунов тёплым одеялом; а сама свернулась клубочком и, мурлыкая, грела шаловливые ножки до утра.

Утром гномики долго протирали глаза и шёпотом рассуждали:

- Бублик, как узнать: мы ночью выходили на Шумный двор, или это был сон? - зевнул Говорилка.

- Наверное, только сон... - ответил братишка.

- А если только сон, тогда почему на траве до сих валяется лист папоротника? - удивился Говорилка.

- Значит, мы в самом деле, летали; и потом застряли на ветке Леопарда, - сказал Бублик.

- Хорош сон! - проворчал у двери Тузик, - у меня до сих пор мокрые лапы!

Рядом с ним вылизывала шубку и хвост Матильда Леопольдовна.

Тут гномики откинули одеяло и увидели, что у них тоже грязные пятки...

СОДЕРЖАНИЕ (№ 68)

На 11 сентября (стих. Евг. Новицкий)	1
Склоните голову... (стих. Лариса Данишина)	1
О, жертвенность... (стих. прот. А.Зайцев)	1
О мече и праведности (статья, и.Ильин)	2
Гордыня плакала... (стих. Юлия Богиня)	3
Есенин как символ России (очерк, В.К. Невярович)	4
Во власти осенней молчали... (стих. А. Лазутин)	8
Страх (рассказ, А.П. Чехов)	9
С вечера... (стих. Эдуард Асадов)	14
Ревность (юмор., рассказ, Тэффи)	15
Свидание (рассказ, И. Тургенев)	17
Одиночество (очерк, И. Морозов)	21
Пока мы живы (стих. Э. Асадов)	25
Новаторство В. Шекспира в жанре сонета (статья, И. Бабич)	26
Пронеслись облака... (стих. Н.П. Гребенюкова)	28
Источник проблем... (стих. В. Румянцев)	28
Ген. Головин - Поэзия:	
(Отречение; Идиллия прошлого; Одна из последних прогулок	29
Встреча с родной стороной; Деревня; Краса-лебедушка;	30
Дорога сквозь рощу; Жизнь хороша	30
История с Авдеевым (очерк, Юрий Евстифеев)	31
Осень пришла... (зарисовки. Е. Кульба)	33
Поэт боялся... (стих. С.В. Филиппов)	33
От редакции	34
Письма читателей	35
Приснился сон... (стих. А. Лазутин)	37
Приближается осень (стих. В.К. Невярович)	37
Письмо к знакомой/От автора (стих. Э. Ковишевный)	38
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	39
Сентябрьский день (стих. А. Борычев)	49
Смешинка (стих. В.К. Невярович)	49
Ранние грозы (рассказ, М.В. Крестовская)	50
От души... (стих. Терентий Травник)	56
Тузик и его друзья (Т. Малеевская, рис. автора)	57

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - 0404-559-294. А также в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, а также -

З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) - работы Т. Малеевской.

ВНИМАНИЕ !

Готовится к изданию сборник стихов, рассказов и путевых заметок Т.Н. Малеевской.

Приблиз. дата выпуска - в первой половине 2017 г.

За справками обращаться - tamaleevpearl@gmail.com

Т. Малеевская
«Страна отцов»
«Серебряный город»
«Душенька»:

А также книга

В.А. Малеевского «Претенденты на
Российский Престол»
За справками обращаться:

(07) 3161-49-27

или

tamaleevpearl@gmail.com

**Литературный кружок
«Жемчужное Слово»**

<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

**Сайты связанные с журналом
«Жемчужина»**

* Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

* Новый сайт «Русское Зарубежье», посв. Харбинцам
и послевоенным эмигрантам из Европы –
<http://russkojzarubezhje.yolasite.com>

Также личный сайт автора –
tamaleevwriting.yolasite.com

